

С. Л. Ф Р А Н К Ъ

КРУШЕНИЕ КУМИРОВЪ

Дѣти! Храните себя отъ идоловъ
1 Посл. Іоанна, 5, 21

Издание
The YMCA PRESS Ltd.
Американское издательство
Берлинъ, 1924

Набор типографии Г. А. Гольдберга, Берлин, Циммерштр. 7-8
Druck: Hempel & Co. G. m. b. H., Berlin, Zimmerstrasse 7-8

Посвящается моей жене

О Г Л А В Л Е Н І Е

	Стр.
Предисловіе	7
1. Кумирь революціи	11
2. Кумирь политики	25
3. Кумирь культуры	35
4. Кумирь „идеи“ и „нравственного идеализма“	52
5. Духовная пустота и встрѣча съ живымъ Богомъ	76

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поводомъ къ составленію этой книжки послужила рѣчь, произнесенная на съѣздѣ русскихъ студентовъ въ Германіи, созванномъ въ Саровѣ подѣ Берлиномъ въ маѣ 1923 г. Американскимъ Союзомъ Христіанской молодежи (American Y. M. C. A.).

Эта рѣчь, въ значительной мѣрѣ импровизованная, встрѣтила откликъ среди студенчества, присутствовавшего на съѣздѣ. При письменной переработкѣ ея мнѣ казалось необходимымъ значительно расширить и дополнить ее, сохранивъ однако основное ея идейное содержаніе.

Какъ и указанная устная рѣчь, эти строки не содержатъ никакой теоріи или философской системы; и вмѣстѣ съ тѣмъ они не претендуютъ быть моральнымъ поученіемъ или религіозной проповѣдью. Вѣрнѣе всего въ нихъ видѣть исповѣдь, но не личную исповѣдь автора — авторъ не обладаетъ ни достаточнымъ смиреніемъ, ни достаточнымъ самоанализомъ, чтобы публично исповѣдываться, — а исповѣдь какъ бы типическаго жизненнаго и духовнаго пути современной русской души вообще.

Мнѣ кажется, что въ духовномъ пути мыслящаго русскаго человѣка, сознательно пережившаго послѣднюю четверть вѣка нашей, столь трагической, общественной и духовной исторіи, и дѣйствительно чему-то изъ нея научившагося, содержится нѣчто объективно цѣнное и /въ особенности нужное нынѣ подрастающему поколѣнію русской молодежи. Болѣе того, мнѣ думается, что несмотря на столь большое различіе и въ количествѣ, и, главнымъ образомъ, въ содержаніи жизненнаго опыта этихъ двухъ поколѣній, между ними не только нѣтъ обычнаго непониманія и взаимной чуждости, а есть или по крайней мѣрѣ возможна какая-то глубокая внутренняя солидарность міросозерцанія и жизненнаго пути. Ибо духовные облики обоихъ поколѣній сформировались подъ вліяніемъ одного въ высшей степени значительнаго процесса, который начался задолго до революціи и въ нея трагическомъ опытѣ нашелъ лишь свое завершеніе. Этотъ процессъ есть процессъ народненія живой религіозной вѣры черезъ крушеніе или гибель всѣхъ кумировъ, которыми была соблазнена душа русскаго интеллигента XIX вѣка и поклоненіемъ которымъ еще въ значительной мѣрѣ доселѣ живетъ западно-европейское человѣчество. И я старался дать въ мѣру моихъ силъ объективное — но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу характера темы, и неизбежно субъективное — описаніе этого процесса. Можетъ быть, этотъ обзоръ кому нибудь принесетъ пользу.

Исключительно трагическій характеръ современной эпохи, неслыханное обиліе въ ней зла и слѣпоты, расшатанность всѣхъ обычныхъ нормъ и жизненныхъ устоевъ, предъявляютъ къ человѣческой душѣ такіа

непомѣрно - тяжкія требованія, съ которыми она часто не въ силахъ справиться. Душа подвергается сильнѣйшему соблазну либо отречься отъ всякой святыни и предаться пустотѣ и призрачной свободѣ циническаго невѣрія, либо съ угрюмымъ упорствомъ вцѣпиться въ обломки гибнущаго стараго зданія жизни и съ холодной ненавистью отвернуться отъ всего міра и замкнуться въ себѣ. Всѣ старыя — или, вѣри́те, недавнія прежнія — устои и формы бытія гибнутъ, жизнь беспощадно отметааетъ ихъ, изобличая если не ихъ ложность, то ихъ относительность; и отнынѣ нельзя уже построить своей жизни на отношеніи къ нимъ. Кто ориентуруется только на нихъ, рискуетъ, если онъ хочетъ продолжать вѣрить въ нихъ, потерять разумное и живое отношеніе къ жизни, духовно съузиться и окостенѣть, — а если онъ ограничивается ихъ отрицаніемъ, — духовно развратиться и быть унесеннымъ мутнымъ потокомъ всеобщей подлости и безчестности. Время таково, что умные и живые люди склонны подлѣть и отрекаться отъ всякаго духовнаго содержанія, а честныя и духовно глубскія натуры склонны глупѣть и терять живое отношеніе къ дѣйствительности. Но въ той и другой склонности обнаруживается извращенное дѣйствіе одного великаго и по существу плодотворнаго и оздоравлиющаго духовнаго процесса. И въ циническомъ невѣрїи, и въ изступленномъ, сознательномъ идолопоклонствѣ и старовѣрчествѣ проявляется утрата прежняго душевнаго спокойствія, невозможность прежней, благодушно - наивной, ничѣмъ не искушенной вѣры и потребность въ истинной вѣрѣ, несознанная устремленность воли къ чему-то, что не было бы призрачно, а было бы подлинной, прочной реальной

основой бытія. Тайный смыслъ этихъ опасныхъ и гибельныхъ блужданій, а также и исходъ изъ нихъ, я вижу въ религіозномъ кризисѣ, въ которомъ гибнутъ всѣ кумиры половинчатаго и поверхностнаго стараго гуманизма, и въ глубинахъ духа назрѣваетъ способность вновь воспринять откровеніе вѣчной и истинной жизни.

Германія. Ostseebad Zingst.

2 Августа 1923 г.

С. ФРАНКЪ.

1. Кумиръ революціи.

Нынѣшнее молодое поколѣніе, созрѣвшее въ послѣдніе годы, послѣ рокового 1917 года, и даже поколѣніе, подраставшее и духовно слагавшееся послѣ 1905 года, вѣроятно, лишь съ трудомъ, можетъ себѣ представить, и еще съ большимъ трудомъ внутренне понять міровоззрѣніе и вѣру людей, душа которыхъ формировалась въ т. наз. «эпоху самодержавія», т. е., до 1905 года. Между тѣмъ, вдуматься въ это духовное прошлое, въ точности воскресить его — необходимо; ибо та глубокая болѣзнь, которою страдаетъ въ настоящее время русская душа — и притомъ во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ, начиная отъ русскихъ коммунистовъ и кончая самыми ожесточенными ихъ противниками — и лишь внѣшнимъ выраженіемъ которой является національно-общественная катастрофа Россіи, — эта болѣзнь есть послѣдствіе или — скажемъ лучше — послѣдній этапъ развитія этого духовнаго прошлаго. Вѣдь доселѣ вожди и руководители всѣхъ партій, направленій и умственныхъ теченій — въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ люди, вѣра и идеалы которыхъ сложились въ «дореволюціонную эпоху».

Въ ту эпоху преобладающее большинство русскихъ людей изъ состава т. наз. «интеллигенціи» жило одной

вѣрой, имѣло одинъ «смыслъ жизни»; эту вѣру лучше всего опредѣлить, какъ вѣру въ революцію. Русскій народъ — такъ чувствовали мы — страдаетъ и гибнетъ подъ гнетомъ устарѣвшей, выродившейся, злой, эгоистичной, произвольной власти. Министры, губернаторы, полиція — въ конечномъ итогѣ система самодержавной власти во главѣ съ царемъ — повинны во всѣхъ бѣдствіяхъ русской жизни: въ народной нищетѣ, въ народномъ невѣжествѣ, въ отсталости русской культуры, во всѣхъ совершаемыхъ преступленіяхъ. Коротко говоря, существовавшая политическая форма казалась намъ единственнымъ источникомъ всего зла. Достаточно уничтожить эту форму и устранить отъ власти людей, ее воплощавшихъ и пропитанныхъ ея духомъ, чтобы зло исчезло и замѣнилось добромъ. и наступилъ золотой вѣкъ всеобщаго счастья и братства. Добро и зло было тождественно съ лѣвымъ и правымъ, съ освободительно-революціоннымъ и консервативно-реакціоннымъ политическимъ направлениемъ. (Отмѣтимъ сейчасъ же: теперь этотъ болѣзненный политизмъ, это своеобразный недугъ суженія духовнаго горизонта также очень широко распространенъ, только съ обратнымъ знакомъ: для очень многихъ теперь добро тождественно съ правымъ а зло — съ лѣвымъ). Но не только добро или нравственный идеалъ совпадалъ съ идеаломъ политической свободы; наука, искусство, религія, частная жизнь, — все подчинялось ему же. Лучшими поэтами были поэты, воспѣвавшіе страданія народа и призывавшіе къ обновленію жизни, подъ которымъ подразумѣвалась, конечно, революція. Не только нигилисты 60-хъ годовъ, но и люди 90-хъ годовъ ощущали поэзію Некрасова гораздо лучше, чѣмъ поэзію Пушкина, которому не могли простить ни его камеръ-юнкерства, ни вѣры въ самодовлѣющую цѣнность искусства; мечтательно наслаждались бездарнымъ

нытьемъ Надсона, потому что тамъ встрѣчались слова о «страдающемъ братѣ» и грядущей гибели «Ваала». Сомнѣнія въ величїи, умственной силѣ и духовной правдѣ идей Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго представлялись хулой на духа святого; въ 90-хъ годахъ литературный критикъ Волынкій, который осмѣлился критически отнестись къ этимъ неприкосновеннымъ святынямъ, былъ подвергнутъ жесточайшему литературному бичеванію и бойкотомъ общественнаго мнѣнія изгнанъ изъ литературы. Научныя теорїи оцѣнивались не по ихъ внутреннему научному значенію, а по тому, клонятся ли они къ оправданію образа мыслей, связаннаго съ революціей, или, напротивъ, съ «реакціей» и консерватизмомъ. Сомнѣваться въ правильности дарвинизма, или матеріализма, или социализма значило измѣнять народу и совершать предательство. Не только религія, но и всякая не матеріалистическая и не позитивистическая философія были заранѣе подозрительны и даже заранѣе были признаны ложными, потому что въ нихъ ощущалось сродство съ духомъ «старого режима», ихъ стиль не согласовался съ принятымъ стилемъ прогрессивно-революціоннаго міровоззрѣнія. Впрочемъ, исключенія допускались или по крайнѣй мѣрѣ терпѣлись: для этого только нужно было, чтобы авторъ еретической идеи либо доказывалъ, что эта идея согласима съ революціонной вѣрой и даже необходима для нея, либо чтобы онъ вообще былъ настроенъ политически-благонамѣренно (т. е. держался «лѣваго» образа мыслей) и — еще лучше — чтобы онъ пострадалъ отъ правительства. Такъ, Владимира Соловьева терпѣли и даже немного уважали за его рѣчь о помилованіи террористовъ, за статьи о націонализмѣ и за сотрудничество въ Вѣстникѣ Европы. За это ему прощали, какъ странное личное чудачество, наивную и зловредную вѣру въ Бога и

церковь. Когда, въ первые годы 20-го вѣка, началъ нарождаться философскій идеализмъ — что было хотя лишь робкимъ началомъ, но все же первымъ существеннымъ шагомъ въ преодоленіи господствующаго міровоззрѣнія, первымъ симптомомъ того духовнаго кризиса, который во всей глубинѣ своей сказывается лишь теперь — то онъ отчасти ради самозащиты, отчасти по искреннему убѣжденію драпировался также въ политическую мантию: наиболее убѣдительнымъ аргументомъ въ его пользу считалось, что «философскій идеализмъ» необходимъ, какъ основа моральной самоотверженности въ политической борьбѣ. И лучшимъ оправданіемъ вѣры въ Бога, когда впервые раздалась въ кругахъ интеллигенціи эта неслыханная дотолѣ проповѣдь, служило разсужденіе, что эта вѣра не только не реакціонна, но, напротивъ, одна лишь обезпечиваетъ политическій прогрессъ и освобожденіе народа.

Положительная политическая программа не у всѣхъ была одинаковой: существовали и либералы, и радикалы - демократы, и социалисты - народники, отрицавшіе развитіе капитализма и требовавшіе сохраненія общины, и социалисты - марксисты, призывавшіе къ развитію капитализма и отрицавшіе полезность крестьянской общины. Но не въ этихъ деталяхъ программы было дѣло, и внутреннее, духовное различіе между представителями разныхъ партій и направленій было очень незначительнымъ, ничуть не соответствуя ярости теоретическихъ споровъ, разгоравшихся между ними. Положительные идеалы и разработанныя программы реформъ, вообще взгляды на будущее были дѣломъ второстепеннымъ; ибо въ глубинѣ души никто не представлялъ себя въ роли отвѣтственнаго, руководящаго событіями политическаго дѣятеля. Главное, основная точка устремленія лежала не въ будущемъ и его творчествѣ, а въ отрицаніи прошлаго и настоящаго.

Вотъ почему вѣру этой эпохи нельзя опредѣлять, ни какъ вѣру въ политическую свободу, ни даже какъ вѣру въ социализмъ, а по внутреннему ея содержанию можно опредѣлить только, какъ вѣру въ революцію, въ низверженіе существующаго строя. И различіе между партіями выражало отнюдь не качественное различіе въ міровоззрѣніи, а, главнымъ образомъ, различіе въ интенсивности ненависти къ существующему и отталкиванія отъ него, — количественное различіе въ степени революціоннаго радикализма. Земцы-либералы, связанные съ мѣстною жизнью и по опыту знакомые съ ней, упрекали радикальныхъ революціонеровъ въ незнаніи русской жизни, въ поспѣшности ихъ требованій, которые казались имъ не столько вредными, сколь лишь неосуществимыми. Революціонеры упрекали либераловъ въ личной трусости, которая усматривалась во всякомъ уклоненіи отъ подпольно - революціонной дѣятельности; или въ дряблости нравственно-политическаго темперамента, въ нерѣшительности и половинчатости въ борьбѣ съ существующимъ строемъ. Либералы и «умѣренные» въ глубинѣ души сами чувствовали себя грѣшниками, слабыми людьми, неспособными на героизмъ революціонеровъ; ихъ совѣсть была неспокойна. Критиковать социализмъ или радикальный демократизмъ по существу никому не приходило и въ голову; или, въ лучшемъ случаѣ, это можно было дѣлать въ узкомъ кругу, въ интимной обстановкѣ, но отнюдь не гласно: ибо гласная, открытая критика крайнихъ направленій, борьба на лѣво были недопустимымъ предательствомъ союзниковъ по общему дѣлу революціи. Не только критика социализма и радикализма была неслыханной ересью (еще въ 1909 году участники сборника «Вѣхи», впервые рѣшительно порвавшіе съ этой традиціей, встрѣтили негодующее порицаніе даже умѣренныхъ круговъ русскаго общества, и П. Н. Ми-

люковъ, выразившій ходячее общественное мнѣніе либераловъ формулой «у насъ нѣтъ враговъ слѣва», счелъ своей обязанностью совершить лекціонное турне, посвященное опроверженію идей «Вѣхъ»), — но даже открытое исповѣданіе политической умѣренности требовало такого гражданскаго мужества, которое мало у кого находилось. Ибо не только «консерваторъ», «правый» было браннымъ словомъ; такимъ же браннымъ словомъ было и «умѣренный». Сейчасъ же приходили въ голову осмѣянные Щедринымъ типы, символы «умѣренности и аккуратности»; «умѣренный» — это былъ обыватель, робкій, лишенный героизма, изъ трусости или нерѣшительности желавшій примирить непримиримое, существо, которое «ни горячо, ни холодно», которое идетъ на недопустимые компромиссы. Какъ указано, сами «умѣренные» не имѣли въ этомъ отношеніи чистой совѣсти, чувствовали себя не вполне свободнымъ отъ этихъ пороковъ; въ огромномъ большинствѣ случаевъ они смотрѣли на революціонеровъ, какъ церковно-настроенные міряне смотрятъ на святыхъ и подвижниковъ — именно, какъ на недосягаемые образцы совершенства. Ибо чѣмъ лѣвѣе, тѣмъ лучше, выше, святѣе. Ироническая формула «лѣвѣе здраваго смысла» раздалась впервые послѣ 1905 года и принадлежитъ уже совсѣмъ иной эпохѣ, есть уже симптомъ крушенія всего міровоззрѣнія.

Если попытаться какънибудь все же опредѣлить положительное содежаніе этой столь пламенной и могущественной вѣры, то для нея нельзя отыскать иного слова, кромѣ «народничества». «Народниками» были всѣ — и умѣренные либералы, и социалисты-народники, и марксисты, теоретически боровшіеся съ народничествомъ (понимая послѣднее здѣсь въ узкомъ смыслѣ опредѣленной социально-политической программы). Всѣ хотѣли служить не Богу, и даже не

родинѣ, а «благу народа», его матеріальному благо-
состоянію и культурному развитію. И главное — всѣ
вѣрили, что «народъ», низшій, трудящійся классъ, по
природѣ своей есть образецъ совершенства, невинная
жертва эксплуатаціи и угнетенія. Народъ — это Ан-
тонъ Горемыка, существо, которое ненормальныя усло-
вія жизни насильственно держатъ въ нищетѣ и без-
силіи и обрекаютъ на пьянство и преступленія. «Всѣ
люди выходятъ добрыми изъ рукъ Творца», зло есть
лишь производное послѣдствіе ненормальнаго обществен-
наго строя — эта формула Руссо безсознательно —
ибо сознательно мало кто отдавалъ себѣ въ томъ
отчетъ — лежала въ основѣ отношенія къ народу.
Интеллигентъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ
народомъ уже тѣмъ, что онъ самъ не принадлежалъ
къ «народу» и жилъ въ нѣсколько лучшихъ матеріаль-
ныхъ условіяхъ. Искупить свою вину можно было
только однимъ — самоотверженнымъ служеніемъ «на-
роду». А такъ какъ источникъ бѣдствій народа усматри-
вался всецѣло въ дурномъ общественномъ строѣ, въ
злой и порочной власти, то служить «народу», перейти
на его сторону значило уйти отъ «ликующихъ, праздно
болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови», въ станъ
«погибающихъ за великое дѣло любви», объявить власти
и всѣмъ врагамъ народа беспощадную войну: другими
словами, это значило стать революціонеромъ. Народ-
ничество и было міровоззрѣніемъ, въ силу котораго
весь душевный пылъ, вся сила героизма и самоотвер-
женія сосредоточивалась на разрушеніи — на раз-
рушеніи тѣхъ политическихъ или соціальныхъ условій
жизни, въ которыхъ видѣли единственный источникъ
всего зла, единственную преграду, мѣшавшую само-
произвольному росту добра и счастья въ русской жизни.
Любовь къ народу, сочувствіе къ его страданіямъ были
исходной точкой этого умонастроенія; но эта исходная

точка нравственного пути въ практикѣ душевнаго опыта заслонялась и оттѣснялась на задній планъ эмоціями, необходимыми для осуществленія нравственной цѣли — эмоціями ненависти къ «врагамъ народа» и революціонно - разрушительной ярости. Мягкій по природѣ и любвиобильный интеллигентъ - пародникъ становился тупымъ, узкимъ, злобствующимъ фанатикомъ-революционеромъ, или, во всякомъ случаѣ, нравственный типъ угрюмаго и злого человѣконенавистника начиналъ доминировать и воспитывать всѣхъ остальныхъ по своему образцу.

Все это звучитъ почти какъ каррикатура, но есть лишь точное описаніе того, что составляло еще 20 лѣтъ тому назадъ, а отчасти и гораздо позднѣе, весь смыслъ жизни русскаго интеллигента. Мы описываемъ все это не для того, чтобы насмѣяться надъ нашимъ недавнимъ духовнымъ прошлымъ, которое на нашихъ глазахъ воплотилось въ столь ужасную политическую дѣйствительность коммунистическаго строя. Сейчасъ, когда всякій мало - мальски здравомыслящій человѣкъ воочию видитъ уродливость и ложность этой вѣры, осмѣяніе ея не многого стоитъ. Конечно, тамъ, на родинѣ, гдѣ омертвѣвшія формулы этой ложной вѣры губятъ жизнь и творятъ безчеловѣчныя, неправыя дѣла, дѣйственная и идейная борьба съ ними есть гражданскій долгъ. Но въ области подлинной духовной жизни эта вѣра теперь уже столь мертва, ея горѣніе въ душахъ такъ основательно потухло, что изобличать ее и глумиться надъ нею было бы дѣломъ слишкомъ дешевымъ. Наше время тѣмъ меньше имѣетъ права на это, что все уродство этой вѣры продолжается въ значительной мѣрѣ жить въ немъ, лишь съ обратнымъ, противоположнымъ содержаніемъ. Сколько есть въ наши дни людей, отравленныхъ тѣмъ же узкимъ политцизмомъ — людей, для которыхъ, какъ мы уже поми-

нали, добро и зло совпадаетъ съ правымъ и лѣвымъ (какъ оно раньше совпадало съ лѣвымъ и правымъ) и которые на вопросъ о смыслѣ ихъ жизни могутъ отвѣтить только: «ненависть къ большевикамъ»!

Мы описали это прошлое для того, чтобы оживить въ памяти невѣроятную силу надъ русскими умами и душами этого кумира революціи, глубину и могущество вѣры въ него. Здѣсь, гдѣ мы занимаемся не политикой и политической пропагандой, а осмысленіемъ нашего духовнаго прошлаго и настоящаго, мы можемъ и должны упомянуть не только ложность и нелѣпость содержанія этой вѣры, но и нравственно - духовную силу ея власти надъ душами. Вспомнимъ, что тысячи и десятки тысячъ русскихъ людей, между которыми было много подлинно - талантливыхъ, вдохновенныхъ душъ, жертвовали ради этого кумира своей жизнью, спокойно всходили на висѣлицы, шли въ ссылку и въ тюремное заключеніе, отрекались отъ семьи, богатства, карьеры, даже отъ духовныхъ благъ искусства и науки, къ которымъ многіе изъ нихъ были призваны. Со скорбью объ ихъ заблужденіяхъ, но и съ уваженіемъ, котораго заслуживаетъ даже самая ложная и зловредная вѣра, должны мы вспомнить объ этой рати мучениковъ, добровольно приносившихъ себя въ жертву молоху революціи. О нихъ повѣдалъ Европѣ въ эпической книгѣ Кеннанъ, они приводили своимъ героизмомъ въ восхищеніе Ибсена, изнывавшаго отъ мѣщанской пошлости благополучной европейской жизни. Чтобы понять трагедію крушенія этой вѣры, нужно прежде всего ощутить ея былую силу и обаятельность. Все ужасное, бушующее пламя русской революціи разгорѣлось отъ огня этой вѣры, благоговѣнно хранимаго въ душахъ въ теченіе болѣе полувѣка. И когда въ душахъ интеллигенціи, начиная съ 1905

года, этот пылъ началъ уже потухать, и въ особенности когда интеллигенція въ октябрѣ 1917 года въ ужасѣ и смятеніи отшатнулась отъ зажженнаго ею же пожара, огонь этой вѣры перешелъ въ души простыхъ русскихъ мужиковъ, солдатъ и рабочихъ. Ибо сколько бы порочныхъ и своекорыстныхъ вожделѣній ни соучаствовало въ русской революціи — какъ и во всякой революціи, — ея сила, ея упорство, ея демоническое могущество и непобѣдимость объяснимы только изъ той пламенной вѣры, во имя которой тысячи русскихъ людей, «красноармейцевъ» и рабочихъ шли на смерть, защищая свою святыню — «революцію». А сколько есть еще доселѣ интеллигентовъ, людей, считающихъ себя мыслящими и разумными политическими дѣятелями, которые и теперь еще, когда сама жизнь громко вопіетъ о ложности и гибельности этой вѣры, продолжаютъ судорожно за нее цѣпляться, ибо боятся, потерявъ ее, потерять смыслъ жизни. Одни, въ рядахъ коммунистовъ, упорно слагаютъ съ себя отвѣтственность за все сотворенное зло, погрязаютъ въ преступленіяхъ, оправдываемыхъ политической необходимостью, — только потому, что не имѣютъ внутренняго мужества отречься отъ ложной вѣры, не въ силахъ признаться, что они впали въ роковое заблужденіе. Другіе, ужаснувшіеся злу, которое принесла революція, стараются отвѣтственность за него снять съ самой революціи и перенести на отдѣльныхъ людей или на отдѣльную партію. Такъ, нѣкоторые отчасти въ безсознательной слѣпотѣ, отчасти изъ упорнаго нежеланія сознаться въ банкротствѣ своей вѣры, продолжаютъ — во имя революціи — геройствовать въ борьбѣ съ порядкомъ, порожденнымъ революціей, какъ они раньше геройствовали въ борьбѣ съ старымъ порядкомъ. Все это — явленія судорожнаго, отчаяннаго стремленія искусственно раздуть потухающій огонь

старой вѣры, обаяніе которой было такъ безмѣрно велико и всевластно.

Но все же — вѣра эта умерла и ничто уже не въ силахъ воскресить ее. Кумиръ, которому поклонялись многія поколѣнія, котораго считали живымъ богомъ-спасителемъ, которому приносились безчисленные чело-вѣческія жертвы — этотъ кумиръ, которому сейчасъ тупые фанатики или безсовѣстные лицемѣры вынужда-ютъ еще поклоняться, во имя котораго разстрѣливаютъ людей, калѣчатъ русскую жизнь, издѣваются надъ истинной религіей — именно въ силу этого потерялъ свою власть надъ душами, изобличенъ, какъ мертвый пстуканъ. Живыя души въ ужасѣ и омерзѣніи от-ступились отъ него. Большевики съ своей точки зрѣ-нія вполне правы, когда обвиняютъ русскую револю-ціонную интеллигенцію въ «предательствѣ». Они не понимаютъ лишь или не хотятъ понять глубокой тра-гедіи, оправдывающей эту измѣну. Интеллигенція, въ моментъ осуществленія высшихъ своихъ надеждъ, въ моментъ наступленія чаяемаго въ теченіе болѣе полувѣка «царства божія» — именно наступленія революціи и торжества ея идеаловъ — вдругъ поняла, что богъ-спаситель ея завѣтной вѣры есть ужасное, всеистреб-ляющее чудовище или мертвый пстуканъ, способный вдохновлять лишь безумныхъ и лишь на безумныхъ и убійственныхъ дѣла. Острота этой трагедіи смягчена, и прикрыта отчасти тѣмъ, что она совершалась въ смѣнѣ поколѣній, отчасти тѣмъ, что въ болѣе чуткихъ сознаніяхъ она назрѣвала уже давно, по меньшей мѣрѣ съ 1905 вѣка, отчасти, наконецъ, въ силу общаго защитнаго приспособленія челоѣческаго духа, загопя-ющаго въ бессознательныя глубины все наиболѣе тя-гостное и не допускающаго озаренія его свѣтомъ яс-наго сознанія.

Но что, собственно, здѣсь изобличено, какъ ложное и злое начало, какая именно вѣра умерла въ душахъ, какое божество раскрылось, какъ мертвый кумиръ? Совершенная ясность здѣсь далеко еще не достигнута. Одни, наименѣе чуткіе, думаютъ, что достаточно внести въ старую вѣру маленькія поправки, наложить заплаты на лохмотья старыхъ знаменъ, подвести подпорки подъ разваливающагося истукапа и подклеить его трещины, чтобы всѣ сразу вновь увидели въ немъ прежнее, лучезарно-обаятельное божество. Говорятъ; «мы ошибались въ степени подготовленности русскаго народа, который еще не созрѣлъ для социализма или для революціи вообще»; или: «мы поняли теперь, что социализмъ есть благо лишь въ непремѣнномъ сочетаніи съ демократическими началами, а внѣ связи съ ними есть зло», и т. п. Тѣ, кто находятся въ такомъ духовномъ состояніи, насъ здѣсь не интересуютъ; это — либо толстокожіе, тупые упрямы, которыхъ ничѣмъ не прошибешь, либо же люди, боящіеся сами себѣ сознаться въ глубинѣ и значительности происшедшей духовной катастрофы. Другіе, болѣе глубоко потрясенные — такіе, вѣроятно, преобладаютъ — дѣлаютъ болѣе радикальные выводы: они говорятъ, что жизнь изобличила ложность социализма, или революціонизма, и что поэтому отнынѣ надо начать служить прямо противоположнымъ идеаламъ: надо провозгласить священность института частной собственности, надо возстановить монархію, увѣрять въ принципы консерватизма и т. п. Все это отрицательно вполне правильно, т. е. поскольку сводится къ честному констатированію окончательнаго крушенія старой вѣры. Но все это далеко не такъ радикально, какъ это кажется и какъ это необходимо. Ибо опрокинуть одинъ кумиръ, для того, чтобы тотчасъ же воздвигнуть другой и начать ему

поклоняться съ прежнимъ изувѣрствомъ, не значить освободиться отъ идолопоклонства и окончательно понять смыслъ происшедшаго его изобличенія. Пусть социализмъ, какъ универсальная система общественной жизни, изобличенъ въ своей ложности и гибельности; но исторія показываетъ, что и крайній хозяйственный индивидуализмъ, всевластіе частно - собственническаго начала, почитаемаго за святыню, также калѣчитъ жизнь и несетъ зло и страданія; вѣдь именно изъ этого опыта и родилась сама вѣра въ социализмъ. Пусть революціонность, жажда опрокинуть старый порядокъ, чтобы все устроить заново въ согласіи съ своими идеалами, есть величайшее безуміе; но исторія показываетъ, что и контрреволюціонность, когда она овладѣваетъ душами, какъ абсолютное начало, способна стать такимъ же насильственнымъ подавленіемъ жизни, революціей съ обратнымъ содержаніемъ. Пусть такъ называемые «демократическіе идеалы» — свободы, всеобщее избирательное право и т. п. — неспособны уже, послѣ пережитого, зажечь души вѣрой; но и слѣпая вѣра въ монархію есть для насъ тоже поклоненіе кумиру. Вообще говоря — всѣ общественные, политическіе, социальныя принципы на свѣтѣ относительны. Дѣло специалистовъ, людей научнаго знанія и общественнаго опыта, расцѣнить относительное значеніе каждаго, степень его полезности или вредности, условія и формы, при которыхъ они могутъ оказаться цѣлесообразными или которыя, наоборотъ, дѣлаютъ ихъ неумѣстными. И наряду съ этимъ трезвымъ, спокойнымъ научнымъ знаніемъ, каждая эпоха имѣетъ въ этой области свои увлеченія, свои односторонности, — и ни одна такая вѣра не вправѣ съ презрѣніемъ говорить о другой и считать себя единоспасающей. Идолопоклонство революціонной вѣры заключалось не только въ томъ, и даже совсѣмъ не въ томъ, что

она имѣла ложные или односторонніе соціально - политическіе идеалы, а въ томъ, что она поклонялась своимъ общественнымъ идеямъ, какъ и до лу, и признала за ними достоинство и права всевластнаго божества. То, что сейчасъ погибло и крушеніе чего есть, быть можетъ, единственное оправданіе или единственный смыслъ всей общественной катастрофы, есть не только опредѣленное общественное міровоззрѣніе, а именно сама качественная природа ложной, идолопоклоннической вѣры.

Но мы уже невольно вышли за предѣлы обсуждаемой здѣсь темы. Собственно, крушеніе кумира революціи, какъ такового — какими бы хитросплетеніями разума ни пытались нѣкоторые еще спасти этотъ кумиръ — настолько очевидно, есть столь безповоротный фактъ русскаго духовнаго развитія, что подробно говорить о немъ — именно въ контекстѣ духовнаго развитія — не было бы даже особой надобности, — сколько бы ни приходилось кричать о немъ на перекресткахъ политической жизни. Но дѣло въ томъ, что кумиръ революціи былъ еще такъ недавно укорененъ въ такихъ глубинахъ духа, что его крушеніе не можетъ пройти безслѣдно для всей структуры духовной жизни. Кумиръ этотъ столь тѣсно былъ связанъ съ рядомъ другихъ кумировъ, что онъ неизбежно увлекаетъ ихъ за собой въ своемъ паденіи. Другими словами, его паденіе есть только начало, первый этапъ или первый симптомъ наступающаго глубокаго духовнаго переворота, паличность котораго многіе смутно ощущаютъ, но лишь немногіе осмыслили до конца. Въ предыдущихъ строкахъ мы уже вплотную подошли къ усмотрѣнію крушенія иного, еще болѣе универсальнаго кумира — кумира политики вообще.

2. Кумиръ политики.

Разочарованіе, овладѣвшее душами въ результатѣ крушенія идеаловъ революціи, въ результатѣ того, что напряженно - страстная, самоотверженная политическая борьба за осуществленіе «царства божія на землѣ» привели къ торжеству царства смерти и сатаны — это разочарованіе гораздо глубже простой потери вѣры въ опредѣленные, частные политическіе идеалы социализма, демократіи и т. п. Многие ощутили, не отдавая себѣ въ томъ сознательнаго отчета, — а кто имѣетъ очи, чтобы видѣть, тѣ ясно увидали въ частной, съ извѣстной точки зрѣнія случайной судьбѣ русской революціи нѣчто гораздо болѣе многозначительное и общее — именно крушеніе политическаго фашизма вообще. Дѣло не въ однихъ частныхъ ошибкахъ стараго міровоззрѣнія — не только въ томъ, что социализмъ есть утопія, въ своемъ осуществленіи губящая жизнь, или что было ребяческой наивностью усматривать все зло жизни въ носителяхъ старой власти или въ ея системѣ, и считать безгрѣшными и святыми и весь русскій народъ, и въ особенности дѣятелей революціи. Если отвлечься отъ частныхъ и сосредоточиться на основномъ — не есть ли судьба русской революціи судьба, прежде всего, всякой революціи вообще? Не то же ли самое случилось

и во французскую революцію, гдѣ во имя торжества разума творилось дикое безуміе, гдѣ во имя свободы, равенства и братства воцарился чудовищный деспотизмъ, всеобщій раздоръ и паническій ужасъ, бессмысленное истребленіе людей и разрушеніе хозяйственной жизни, разнуздались садическіе инстинкты мести, ненависти и жестокости? Не то же ли самое творилось и въ англійскую революцію, гдѣ строгіе добродѣтельные пуритане съ именемъ Бога на устахъ, послѣ ежедневной утренней молитвы беспощадно истребляли мирныхъ инакомыслящихъ людей, въ которыхъ они видѣли «безбожныхъ амалекитянъ и филистимлянъ», и на радость сатаны мечомъ и разрушеніемъ пытались насадить въ личной и общественной жизни чистое пуританское благочестіе? Исторія революцій въ безконечныхъ варіаціяхъ и видоизмѣненіяхъ повторяетъ одну и ту же классически точно и законмѣрно развивающуюся тему: тему о святыхъ и герояхъ, которые, горя самоотверженной жаждой облагодѣтельствовать людей, исправить ихъ и воцарить на землѣ добро и правду, становятся дикими извергами, разрушающими жизнь, творящими величайшую неправду, губящими живыхъ людей и водворяющими всѣ ужасы анархіи или безчеловѣчнаго деспотизма. Дѣло не въ томъ, значить, какіе именно политическіе или соціальные идеалы пытаются осуществить; дѣло — въ самомъ способѣ ихъ осуществленія, въ какой то основной, независимой отъ частнаго политическаго содержанія, морально - политической структурѣ отношенія къ жизни и дѣйствительности во имя общественнаго идеала.

Но, можетъ быть, такова роковая судьба именно только революцій, возмущеній низшихъ классовъ, низверженій троновъ и исторически - сложившихся порядковъ? Исторія революцій въ этомъ смыслѣ есть,

конечно, особая тема, имѣющая свою собственную законмѣрность. Но духовный взоръ, достаточно изощрившійся на страдальческомъ опытѣ революціи, и потому обзрѣвающий достаточно широкій горизонтъ, не останавливается на этомъ. Онъ видитъ дальше и видитъ ту же трагедію или то же сатанинское превращеніе добра во зло и во всѣхъ контрреволюціяхъ, религіозныхъ войнахъ, во всѣхъ вообще насильственныхъ осуществленіяхъ въ жизни какихъ либо абсолютныхъ идеаловъ общественно-духовнаго устроенія. Развѣ мы не имѣли опыта «бѣлаго», контрреволюционнаго движенія, воодушевленнаго самыми чистыми и безспорными идеалами спасенія родины, возстановленія государственнаго единства и порядка — движенія, которое, правда, не имѣло своего торжества и потому въ памяти многихъ сохранило свою святость мученической борьбы за правое дѣло, но о которомъ все же одинъ изъ самыхъ пламенныхъ но и самыхъ чуткихъ и правдивыхъ его вождей уже долженъ былъ съ горечью признать, что «дѣло, начатое святыми, было закончено бандитами» (буквально такъ же, какъ русская революція)? И не то же ли самое произошло и съ торжествомъ реставраціи Бурбоновъ («бѣлый терроръ!»), или съ торжествомъ «священнаго союза», основатели котораго дѣйствительно были полны чистой мечты освобожденія человѣчества отъ ужасовъ революцій и войнъ, умиротворенія жизни на началахъ христіанской любви, и вмѣсто этого заключили Европу въ душную тюрьму и довели ее тѣмъ до катастрофы 48-го года? А католическая реакція 16 — 17-го вѣка, Варооломеева ночь, герцогъ Альба, и — еще шире — злосчастная судьба католической теократіи вообще — судьба мечты о христіанской церкви, какъ всемірной власти, насаждающей царство правды и любви? Нѣтъ, куда бы мы ни обратили взоръ, всюду одно и то же:

И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человѣкъ —

и лилась эта кровь всегда во имя насажденія какой-то правды, и плакалъ человѣкъ, котораго какіе то самоотверженные благодѣтели, во имя его собственнаго спасенія, истязали и насилывали.

Если съ этой точки зрѣнія окинуть общимъ взоромъ всю жизнь человѣчества, то приходится усмотрѣть парадоксальный, но воочію явственный фактъ (его очевидность еще усугубится для насъ, если обратить вниманіе — о чемъ ниже — на тираннію идей, принциповъ и идеаловъ въ частной жизни людей): все горе и зло, царящее на землѣ, всѣ потоки пролитой крови и слезъ, всѣ бѣдствія, униженія, страданія, по меньшей мѣрѣ на 99% суть результатъ воли къ осуществленію добра, фанатической вѣры въ какіе либо священные принципы, которые надлежитъ немедленно насадить на землѣ, и воли къ беспощадному истребленію зла; тогда какъ едва ли и одна сотая доля зла и бѣдствій обусловлена дѣйствиємъ откровенно злой, непосредственно преступной и своекорыстной воли.

Что же отсюда слѣдуетъ? — спросятъ насъ. Проповѣдуете ли вы толстовское непротивленіе злу, отрицаніе государства, всякаго принужденія или даже всякой политической дѣйственности вообще? Прежде всего, по крайней мѣрѣ на этой стадіи нашихъ размышленій, мы ничего вообще не проповѣдуемъ — мы просто повѣствуемъ объ исторіи духовнаго опыта и связанныхъ съ нимъ разочарованій. Намъ нѣтъ по этому надобности обсуждать здѣсь систематически сектантское ученіе толстовства. И лишь во избѣжаніе недоразумѣній мы должны указать, что духовный опытъ, который мы пытаемся пересказать, ни въ малой вѣрѣ не тождественъ съ отвлеченной доктриной

толстовства. Прежде всего уже потому, что толстовское отрицаніе государства и политики конкретно кульмишируетъ тоже въ опредѣленномъ общественно-политическомъ идеалѣ — именно идеалѣ анархизма, который въ немъ также выступаетъ, какъ абсолютное добро, подлежащее немедленному осуществленію. Пусть здѣсь отвергается всякое принудительное осуществленіе идеала; но уже одно то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ фанатической сектантской доктриной, для которой абсолютное добро воплощается въ опредѣленномъ порядкѣ отношеній, въ опредѣленномъ образѣ дѣйствій — уже одно это заставляетъ насъ, на основаніи изложеннаго духовнаго опыта, видѣть въ этомъ ученіи не освобожденіе отъ кумира, а воздвиженіе новаго кумира, иное идолопоклонство, приводящее къ тому же роковому результату разнузданія зла изъ желанія сотворить добро. Да вѣдь мы имѣли на нашихъ глазахъ живой конкретный примѣръ, къ чему ведетъ фанатическая доктрина отрицанія государства и насилія: проповѣдь непремѣннаго и немедленнаго братанія съ непріателемъ, отказа отъ военныхъ дѣйствій, эта священная война, объявленная войнѣ въ 1917 году хотя и не толстовцами, но съ явнымъ использованіемъ нравственныхъ мотивовъ толстовства, привела не къ всеобщему умиротворенію, а къ еще большому, неслыханному раздору и развалу жизни, когда во имя этой проповѣди братъ пошелъ на брата. Нѣтъ, кто дѣйствительно ощутилъ въ своей душѣ гибель старыхъ кумировъ, тому не по пути ни съ какимъ сектантствомъ — въ томъ числѣ и съ толстовствомъ.

По существу здѣсь надо сказать еще слѣдующее. Крушеніе кумира «политики», вѣры въ какой бы то ни было идеалъ общественнаго порядка, немедленное и полное осуществленіе котораго уничтожало бы зло

и водворяло бы на землѣ добро и правду — это крушеніе совсѣмъ не тождественно съ принципіальнымъ отрицаніемъ государства, принужденія, политической жизни и т. п. Скорѣе наоборотъ: всякое такое принципіальное отрицаніе, т. е. возведеніе отрицанія въ священнѣйшій принципъ, въ рангъ абсолютнаго добра есть, какъ уже было указано, то самое кумиротворчество, на которое мы болѣе не способны. Если мы не можемъ уже сотворить себѣ кумира изъ государства и какой либо программы государственной дѣятельности, то мы не можемъ поклоняться и передъ идеаломъ анархіи, — быть можетъ, самымъ опаснымъ изъ всѣхъ кумировъ. Если мы не вѣримъ, что можно облагодѣтельствовать человѣчество установленіемъ опредѣленнаго общественнаго порядка, обязаны ли мы вѣрить, что его можно облагодѣтельствовать простымъ отрицаніемъ всякаго принудительнаго порядка? Если мы разочаровались, во всѣхъ тѣхъ политическихъ вождяхъ и руководителяхъ человѣчества, которые, обѣщая той или иной политической системой насадить абсолютное добро на землѣ, творили только зло, то слѣдуетъ ли отсюда, что мы должны отнынѣ слѣпо повѣрить, будто любой отдѣльный человѣкъ, предоставленный самому себѣ и своему личному нравственному сознанію, легко и просто осуществитъ абсолютное добро, съумѣетъ облагодѣтельствовать и себя самого, и всѣхъ другихъ?

Настроеніе, вырастающее изъ крушенія въ душѣ «политическаго кумира», на самомъ дѣлѣ совсѣмъ иное. Оно совсѣмъ не тождественно толстовству: оно выражается точнѣе всего въ противоположномъ толстовству завѣтѣ: «отдавайте кесарю кесарево, а Богу — Богово». Государство, политическая власть, принужденіе, — все это есть роковая земная необходимость, безъ которой человѣкъ не можетъ обой-

тись. Все это есть, съ одной стороны, условіе человеческой жизни, а слѣдовательно — условіе благой и осмысленной жизни, а съ другой стороны — ничто, съ точки зрѣнія послѣдняго смысла, лишь производное и потому второстепенное. Изъ условій человеческой жизни и изъ внутренняго существа человѣка вытекаетъ необходимость какого-то вообще государства, нѣкотораго правового порядка, нѣкотораго принудительнаго подавленія преступныхъ дѣйствій, принудительной самозащиты отъ враговъ; и среди этихъ строевъ, учрежденій и порядковъ есть лучшіе и худшіе, болѣе прочные и болѣе шаткіе, построенные болѣе правильно или болѣе ошибочно, въ большемъ или меньшемъ соответствии съ истинными нуждами жизни и съ духовной природой человѣка или въ противорѣчій имъ. Но всѣ детали и частности здѣсь относительны, опредѣлены условіями времени и мѣста, складомъ человеческой жизни, привычками и образомъ мысли людей. Поэтому ни въ одномъ конкретномъ порядкѣ нѣтъ ни абсолютнаго добра, ни абсолютнаго зла; все это — не послѣднее. не тотъ предметъ вѣры, который осмысливаетъ жизнь и даетъ ей подлинную правду, подлинное спасеніе. Кто знаетъ это «послѣднее», у кого есть высшая цѣль жизни, кто владѣетъ истиннымъ благомъ, тотъ уже сумѣетъ использовать всѣ относительныя средства жизни. И главное: лишь тотъ, кто умѣетъ ясно отличать абсолютное отъ относительнаго, цѣль отъ средствъ, и не рискуетъ въ этомъ смыслѣ ошибиться, сможетъ дѣйствительно производить цѣлесообразный отборъ въ мірѣ относительнаго, оцѣнивать разныя средства и пути по ихъ подлинной пригодности, и въ мѣру надобности и въ надлежащее время заботиться объ ихъ усовершенствованіи. Крушеніе кумира «общественнаго идеала» не только не ведетъ къ анархизму, но не требуетъ и политическаго индиф-

ферентизма. Если только я знаю, для чего я вообще живу, на чѣмъ утверждено мое бытіе и чему оно служить, если моя жизнь только согрѣта и оживотворена подлинной вѣрой, дающей мнѣ радость, бодрости и ясность, то я уже съумѣю построить свой домъ, установить внешнія условія и порядокъ, необходимый и наиболее благопріятствующій внутреннему содержанію моей жизни. Этотъ порядокъ и условія жизни будутъ для меня непосредственно опредѣляться высшей цѣлью моей жизни, и я буду имѣть твердое мѣрило для ихъ расцѣнки, буду знать, почему я люблю и признаю одно и отвергаю другое. Они вновь озарятся для меня свѣтомъ живого смысла — но свѣтомъ, отраженнымъ отъ солнца высшей правды. Они будутъ для меня не идолами, которые требуютъ человѣческихъ жертвоприношеній, и потомъ въ мигъ разочарованія съ позоромъ низвергаются, а осмысленными путями и орудіями моего служенія Богу.

Но прежде всего я долженъ знать, для чего я вообще живу. И здѣсь я знаю пока лишь одно: я не могу жить ни для какого политическаго, соціальнаго, общественнаго порядка. Я не вѣрю больше, что въ немъ можно найти абсолютное добро и абсолютную правду. Я вижу и знаю, наоборотъ, что всѣ, кто искали этой правды на путяхъ влѣшняго, государственнаго, политическаго, общественнаго устройства жизни — всѣ, кто вѣрили въ монархію или въ республику, въ социализмъ или въ частную собственность, въ государственную власть или въ безвластіе, въ аристократію и въ демократію, какъ въ абсолютное добро и абсолютный смыслъ, — всѣ они, желая добра, творили зло, и ища правды, находили неправду. Я долженъ прежде всего трезво и безболѣзненно подвести этотъ отрицательный итогъ.

Правда, въ публичныхъ выступленіяхъ, въ той словесной дѣятельности, которая есть единственный, оставшійся намъ, призрачный суррогатъ настоящей политической дѣйственности, многіе изъ насъ по-прежнему — нѣтъ, гораздо болѣе прежняго — самоувѣренны и безпощадны. Въ поверхностномъ, болѣе наружномъ и на показъ выставляемомъ словѣ духовной жизни — если не у всѣхъ, то у очень многихъ — еще царить бѣшеное, изступленное политическое кумиротворчество и кумиропоклоленіе. Люди расходятся другъ съ другомъ и начинаютъ другъ друга ненавидѣть и презирать за различіе мнѣній по вопросамъ социализма и демократіи, монархіи и республики, даже абсолютной или конституціонной монархіи; они считаютъ своимъ нравственно-гражданскимъ долгомъ внушительно и ожесточенно — на страхъ врагамъ — демонстрировать свою политическую вѣру. Но искренняя и глубокая въ этихъ оказательствахъ развѣ только ненависть: огромное большинство изступленно ненавидитъ большевизмъ, и имѣетъ для этого достаточно основаній; многіе распространяютъ эту ненависть на всяческій социализмъ и на все, что его напоминаетъ; многіе идутъ еще дальше и столь же остро ненавидятъ республику, демократію, — все, что прямо или косвенно, объективно-исторически или субъективно-психологически связано съ идеей или практикой революціи — вплоть до «новой ортографіи»; нѣкоторые, напротивъ, по старой памяти, продолжаютъ искренне ненавидѣть монархію и «старый режимъ». Но у очень многихъ даже подъ этой ненавистью таится холодокъ скептицизма и равнодушія; не только болѣе холоднымъ и равнодушнымъ, но очень многимъ и болѣе глубокимъ и внутренне-правдивымъ натурамъ опостылѣлъ даже фанатизмъ ненависти, ставшій трафаретомъ: и предательская улыбка ироніи надъ другими и са-

мимъ собой часто, въ интимномъ кругу, соизвѣствуетъ мнимо - страстнымъ политическимъ преніямъ. Что же касается политической любви и положительной политической вѣры, то страстность и болѣзненная напряженность публичныхъ оказательствъ имѣетъ у большинства едва ли не главной своей психологической причиной желаніе подавить въ себѣ и другихъ — или скрыть отъ другихъ и себя самого — равнодушіе, маловѣріе, — въ конечномъ счетѣ, неотвратимый фактъ невѣрія. Сколько бы мы въ газетахъ и публичныхъ собраніяхъ ни спорили и ни горячились, сколько бы мы ни раскалывались и ни основывали новыхъ фракцій — мы не вѣримъ больше и не можемъ вѣрить, какъ въ абсолютную правду, ни въ монархію, ни въ республику и демократію, ни въ социализмъ, ни въ капитализмъ и частную собственность, если только мы захотимъ быть вполнѣ искренними съ самими собой. Если не всѣ признаки насъ обманываютъ, то по крайней мѣрѣ молодежь въ глубинѣ души имѣетъ едва ли не поголовно этотъ опытъ.

Кумиръ «политическаго идеала» разоблаченъ и отверженъ, и никакіе трусливыя разсужденія объ опасности и рискованности этого состоянія не могутъ изменить этотъ безповоротно совершившійся фактъ.

3. Кумиръ культуры.

Кумиръ «революціи» и кумиръ «политики вообще» рухнули въ нашей душѣ преимущественно подъ впечатлѣніемъ опыта русской революціи. Но есть еще другой кумиръ, въ какомъ то смыслѣ родственный имъ и съ ними связанный, который тоже потерпѣлъ крушеніе или по крайнѣй мѣрѣ пошатнулся подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, иного опыта — опыта, такъ сказать, всеевропейскаго — подъ впечатлѣніемъ міровой войны и послѣвоеннаго духовно - общественнаго состоянія міра. Этотъ кумиръ мы назовемъ пѣсколько неопредѣленнымъ именемъ «кумира культуры». Прежде, чѣмъ систематически анализировать, въ чемъ онъ заключался, и обосновывать характеръ его крушенія, постараемся и здѣсь непритязательно и правдиво воспроизвести нашъ непосредственный духовный опытъ.

Въ довоенное время, въ то столь недавнее и столь далекое уже отъ насъ время, которое кажется теперь какимъ то невозвратнымъ золотымъ вѣкомъ, всѣ мы вѣрили въ «культуру» и въ культурное развитіе человѣчества. Нѣтъ надобности здѣсь давать логически точное опредѣленіе этого, довольно туманнаго идеала: достаточно конкретно очертить духовную настроенность, выражавшуюся въ вѣрѣ въ него. Намъ казалось, что въ мірѣ царитъ «прогрессъ», постепен-

ное и непрерывное нравственное и умственное совершенствованіе человечества, неразрывно связанное съ такимъ же совершенствованіемъ его матеріальной и правовой жизни. Мы восхищались культурой Европы и скорбѣли о культурной отсталости Россіи. Въ Европѣ мы во всемъ усматривали признаки «культуры»: въ обиліи школъ, во всеобщей грамотности, въ томъ, что каждый рабочій и крестьянинъ читаетъ газеты и интересуется политикой, въ твердости конституціонно-правового порядка, въ уваженіи власти къ правамъ гражданъ, въ жизненномъ комфортѣ, въ удобствѣ путей сообщенія, въ высокомъ уровнѣ научныхъ знаній, въ широкой гласности и чувствѣ собственнаго достоинства, въ трудолюбіи и промышленномъ богатствѣ, въ общей налаженности и упорядоченности жизни — и еще во многомъ другомъ, что было бы слишкомъ долго пересказывать. Конечно, мы не закрывали глазъ и на темныя стороны европейской жизни — мы замѣчали въ ней и эгоизмъ, и мелочность, и мѣщанскую пошлость и ограниченность, и обиліе «буржуазныхъ предрасудковъ», и жестокость репрессій въ отношеніи нарушителей буржуазнаго права и морали, и слѣпой и хищнической націонализмъ. Но въ большинствѣ случаевъ намъ казалось, что эти темныя стороны суть еще непреодоленные остатки прошлаго, которые сами собой постепенно будутъ устранены дальнѣйшимъ развитіемъ культуры; въ этомъ смыслѣ большинство русскихъ и сочувствовало европейскимъ социалистамъ, какъ самой передовой партіи, которая борется съ остатками «феодалныхъ» нравовъ и стремится къ устраненію неправды и ограниченности буржуазнаго строя. Во всякомъ случаѣ, основной фундаментъ культуры и мирной гражданственности казался незыблемо заложеннымъ въ Европѣ, и мы мечтали, что Россія скоро войдетъ, какъ равноправный членъ,

въ мирную, духовно и матеріально благоустроенную семью культурныхъ народовъ Европы. Варварская эпоха смуть, международныхъ и гражданскихъ войнъ, нищеты и безправія казалась во всякомъ случаѣ отошедшей въ безвозвратное прошлое, окончательно преодоленной гуманитарнымъ развитіемъ новаго времени.

Поэтому, когда разразилась великая европейская война, она оказалась для большинства русскихъ образованныхъ людей совершенной неожиданностью, такъ, что еще за нѣскольکو дней до ея пачала, когда всѣ ея симптомы были уже налицо, почти никто не вѣрилъ въ ея возможность. Когда она стала уже совершившимся фактомъ, она еще продолжала казаться какимъ-то великимъ недоразумѣніемъ, какой то несчастной случайностью, результатомъ преступной воли кучки милитаристически-настроенныхъ правителей Германіи. Никто еще не могъ повѣрить въ длительность, жестокость и разрушительный характеръ этой войны; она казалась не естественнымъ результатомъ и выраженіемъ духовно - общественнаго состоянія Европы, и не великимъ историческимъ событіемъ, знаменующимъ новую эпоху, а случайнымъ эпизодомъ, болѣзненнымъ, но краткимъ перерывомъ нормальнаго культурнаго развитія. Когда война затянулась на годы и обнаружила и чудовищность своихъ опустошеній, и жестокость своихъ средствъ, и отчаянное, смертельное упорство воюющихъ сторонъ, отношеніе къ ней стало понемногу мѣняться; тогда каждой изъ воюющихъ сторонъ — въ томъ числѣ и намъ, русскимъ, — стало казаться, что вернуться къ нормальной культурной жизни можно только, уничтоживъ врага, окончательно устранивъ самый источникъ войны. Война была объявлена послѣдней войной, направленной на прекращеніе всякихъ войнъ, на окончательное установленіе мирныхъ и честныхъ демократически - правовыхъ началъ и въ от-

ношеніяхъ между народами. Когда разразилась русская революція — столь желанная для большинства русскихъ съ точки зрѣнія ихъ идеала внутренней политики — и за ней послѣдовало массовое дезертирство и самовольная ликвидація войны, большинство русскихъ снова съ патріотической горечью ощутило, что Россія еще не доросла до гражданской зрѣлости Европы, что она сама себя вычеркнула изъ состава европейскихъ государствъ, борющихся за свое существованіе и свою культуру. Большевизмъ и анархія казались злосчастнымъ удѣломъ одной только отсталой Россіи, все той же несчастной Россіи, которая, въ отличіе отъ Европы, никакъ не можетъ наладить своей жизни.

И тутъ неожиданно грянула германская революція, и многіе сразу же, хотя и смутно, почувствовали, что — при всемъ различіи и внѣшняго, и внутренняго политическаго положенія Россіи и Германіи, — ихъ постигла какая то общая судьба, что міровая война завершается какой-то міровой смутой. Потомъ послѣдовалъ версальскій миръ, показавшій, что правда и справедливость въ международныхъ отношеніяхъ — пустыя слова, и что все зло войны, прекратившейся на поляхъ битвъ, закрѣплено на неопредѣленно - долгое время мирнымъ договоромъ, что взаимная ненависть, озлобленіе, страхъ передъ врагомъ, беспощадная эксплуатация слабыхъ есть нормальное, естественное состояніе европейской международной жизни; и то же обнаружилось въ своекорыстномъ и лицемерномъ отношеніи бывшихъ союзниковъ къ русскому несчастію. А затѣмъ стало очевиднымъ, что въ этой войнѣ вообще нѣтъ побѣдителей, что общечеловѣческая бойня, истребившая милліоны людей и разорившая всѣхъ, кромѣ отдѣльныхъ хищниковъ и мародеровъ, кончилась безрезультатно, не искуплена ничьимъ счастіемъ и успѣхомъ. Всѣ державы, хотя и не въ одинаковой

мѣрѣ, истощены и ослаблены, всѣ подавлены и внутренними раздорами, и неупорядоченностью внѣшнихъ отношеній; большинство побѣдителей не знаютъ, что начать съ своей побѣдой, и стараются — тщетно — сами загладить ея печальныя послѣдствія; другіе въ ослѣпленіи губятъ сами себя и становятся предметомъ общей ненависти своимъ желаніемъ во что бы то ни стало добить побѣжденныхъ. Во внутренней политикѣ на очередь дня становятся злобно - безсмысленныя политическія убійства — по большей части честныхъ людей, отдающихъ себѣ отчетъ въ ужасѣ положенія и старающихся найти выходъ изъ него. Въ частной хозяйственной жизни господствуетъ всеобщій упадокъ трудолюбія и производительности труда, жажда легкой наживы, спекуляція на народномъ бѣдствіи; пресловутая пѣмецкая честность и дѣловитость, казалось, глубоко укорененныя мнговѣковымъ культурнымъ развитіемъ, сметены вихремъ, точно внѣшнія одѣянія, не имѣющія никакой собственной опоры въ личности. И несчастная, растерзанная коммунистическими экспериментами, угнетаемая большевистскимъ деспотизмомъ Россія оказывается не слабѣйшей и не бѣднѣйшей изъ европейскихъ странъ; носители европейской культуры, проповѣдники права и свободы заигрываютъ съ людьми, возглавляющими неслыханную въ Европѣ систему, презрительно опредѣленную, какъ «азіатскій социализмъ», и идутъ на соглашеніе съ ними ради матеріальныхъ выгодъ, или ради умноженія своихъ собственныхъ народныхъ массъ, въ значительной мѣрѣ симпатизирующихъ этому азіатскому социализму. Если русскимъ коммунистамъ и не удалось перебросить въ Европу зажженный ими «міровой пожаръ», то нельзя отрицать, что и Европа чахнетъ и тлѣетъ и не можетъ потушить это подземное горѣніе; и кто знаетъ, не вспыхнетъ

ли еще въ томъ или иномъ ея мѣстѣ этотъ подземный жаръ яркимъ пламенемъ анархіи и гражданской войны?

И среди этого всеобщаго смятенія и маразма, какъ мало признаковъ духовнаго осмысленія жизни и стремленія къ подлинному духовному возрожденію! Когда теперь мы, русскіе, матеріально и духовно обнищавшіе, все потерявшіе въ жизни, ищемъ поученія и осмысленія у воздей европейской мысли, у которыхъ большинство изъ насъ привыкло раньше учиться, мы, заранѣе склонные къ смиренію, всегда чуждые національнаго самомнѣнія и менѣе всего способные на него въ эту несчастную для насъ эпоху, съ изумленіемъ узнаемъ, что собственно учиться намъ не у кого и нечему, и что даже, наученные болѣе горькимъ опытомъ нашихъ несчастій, испивъ до дна чашу страданій, мы, пожалуй, сами можемъ научить кое-чему полезному человѣчество. Мы по крайнѣй мѣрѣ уже тѣмъ опередили его, что у насъ меньше осталось иллюзій и призрачныхъ вѣрованій. Мы чувствуемъ себя среди европейцевъ, какъ Сократъ среди своихъ соотечественниковъ, у которыхъ онъ хотѣлъ чему нибудь научиться, пока не призналъ, что онъ — мудрѣе всѣхъ, потому что онъ, ничего не зная, по крайнѣй мѣрѣ, отдаетъ себѣ отчетъ въ своемъ невѣдѣніи, тогда какъ всѣ остальные, ничего не зная, не знаютъ даже своей собственной духовной нищеты!

Мы изобразили рѣзкими, схематическими штрихами процессъ паденія вѣры въ европейскую культуру, подчеркнувъ отдѣльные сильные толчки, исходившіе отъ крупныхъ внѣшнихъ событій и одинъ за другимъ расшатывавшіе эту вѣру. Въ дѣйствительности, конечно, процессъ этотъ гораздо сложнѣе; онъ совершался болѣе постепенно и непримѣтно, будучи результатомъ накопленія множества разнородныхъ, и сильныхъ, и безконечно-малыхъ впечатлѣній. И эти

впечатлѣнія были только поводами для него; какъ всѣ глубокія духовныя и жизненныя перемены, онъ осуществлялся спонтанно, шель изъ какихъ то невидимыхъ глубинъ души и въ точности психологически необъяснимъ. Что-то умерло въ нашей душѣ; былой жаръ, бывше восторги испарились, и мы съ трудомъ вспоминаемъ о нихъ; мы состарились и духовно охладѣли, и сами не знаемъ, какъ это случилось. Такъ старики, глядя на образъ возлюбленной своей юности, думаютъ: «Какъ могъ я такъ увлекаться и безумствовать? Какъ могъ я не замѣчать пустоты, глупости, ординарности этого хорошенькаго личика? Какъ могъ я считать божествомъ слабое, обычное человѣческое существо, затрачивать на него свою душу?». Какая-то любовь, какой то наивный пылъ безвозвратно потухли въ душѣ. Мы идемъ по красивымъ, удобнымъ, благоустроеннымъ улицамъ европейскихъ столицъ, которыми мы прежде восторгались, и не понимаемъ, что въ нихъ хорошаго: ровная плоскость асфальта, однообразныя высокіе дома пошлой архитектуры; гудятъ и мчатся автомобили, развозя праздныхъ жуировъ, жадныхъ спекулянтовъ или озабоченныхъ, духовно-пустыхъ «дѣловыхъ людей»; внутри домовъ — десятки и сотни одинаковыхъ квартиръ мѣщанскаго уклада, въ которыхъ копошится разбитый на семейныя ячейки людской муравейникъ — чему тутъ радоваться? Тоска, тоска безпросвѣтная! Мы видимъ кучера или шоффера, читающаго газету на своемъ сидѣннѣ — въ какой восторгъ передъ его просвѣщенностью и политической сознательностью мы приходили раньше при этомъ зрѣлищѣ! Теперь мы равнодушно проходимъ мимо, а если живемъ въ Германіи, то злобно думаемъ: «навѣрно тоже играетъ на биржѣ», и увѣрены, что теперь мы оцѣниваемъ это явленіе правильнѣе, чѣмъ прежде. Гдѣ трепеть, съ которымъ мы когда то всходили на гал-

лерей европейских парламентовъ и прислушивались къ страстнымъ, вдохновеннымъ рѣчамъ политическихъ ораторовъ? Едва ли мы читаемъ внимательно эти рѣчи и въ газетахъ, а если и пробѣжимъ глазами, то съ равнодушіемъ и скукой; мы заранѣе знаемъ ихъ содержаніе: либо безотвѣтственная демагогія, либо оффиціально-лицемѣрное провозглашеніе какихъ либо священныхъ принциповъ, въ которые никто не вѣритъ и которые никогда не осуществляются, оправданіе какого нибудь зла подъ тѣмъ или инымъ высокимъ предлогомъ, либо, наконецъ, сознаніе своего безсилія и безвыходности положенія; отъ всей текущей политики на насъ уже заранѣе вѣтъ или человѣческой глупостью, или человѣческой подлостью, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ — и во всякомъ случаѣ — пошлостью, уныніемъ, безнадежностью сѣрыхъ будней. Гдѣ благородные, безстрашные, горящіе вѣрой въ добро и человѣчность вожди передовой демократіи и социализма, изобличители зла, апостолы социальной правды, защитники угнетенныхъ — или они только казались намъ такими? Если такіе и были когда-то, то они или умерли, или выродились. Когда европейскіе коммунисты громятъ теперь въ своихъ рѣчахъ и статьяхъ лицемѣріе и неправду буржуазнаго общества, то по крайнѣй мѣрѣ насъ, русскихъ, они уже теперь не проведутъ: сколько бы объективной правды ни было въ ихъ словахъ, мы-то знаемъ, къ чему они клонятъ и каковъ ихъ подлинный умыселъ; въ этихъ мнимыхъ апостолахъ правды и добра мы съ полной, абсолютной явственностью видимъ безстыдныхъ или въ лучшемъ случаѣ соблазненныхъ служителей сатаны, духа насилій и убійствъ, лжи и нравственнаго разложенія, дикаго произвола и животной тупости. А умѣренные социалисты, или вожди демократіи — всѣ эти Клемансо, Ллойдъ-Джоржи, Ван-

дервельде, Вивіани, Шейдеманы и какъ ихъ всѣхъ зовутъ — и правительствующіе, и оппозиціонные? У нихъ ничего не осталось, кромѣ пустыхъ лозунговъ, въ которые никто не вѣритъ, въ томъ числѣ и они сами. Если они стоятъ у власти, то они прикрываютъ шумомъ громкихъ словъ какіе нибудь злыя или глупыя дѣла, или въ лучшемъ случаѣ свою бездѣйственность и свое безсиліе; если они — въ оппозиціи, то въ ней нѣтъ ничего принципіальнаго, яснаго, идейнаго. И всѣ они только убаюкиваютъ народныя массы тѣми самыми — нынѣ пустыми и лицемерными — словами, которыми они когда-то старались разжечь политическія страсти, боясь признаться, что въ этихъ словахъ нѣтъ уже никакого осмысленнаго содержанія и вдохновляющей идеи. Лучшее, что они способны сдѣлать — это удерживать европейское общество въ его состояніи неустойчиваго равновѣсія и не дать ему совсѣмъ опрокинуться, примѣнять паліативныя средства, чтобы духовное и общественное разложеніе не шло слишкомъ быстро, и чтобы тлѣніе не превратилось въ пожаръ. Соціалистическая вѣра духовно умерла, частью разоблаченная неслыханнымъ зломъ коммунизма, частью обезсилѣвшая и потснущая въ болотѣ буржуазной обыденщины и пошлости. А демократическіе идеалы? Можетъ быть, ихъ еще можно, или даже нужно признавать отвлеченно, можетъ быть, политическая мысль и не додумалась ни до чего лучшаго, но вѣрить въ нихъ и поклоняться имъ уже больше невозможно. Просвѣщенная демократическая Европа, послѣ вѣковъ культурнаго развитія дошедшая до безумной всеевропейской бойни, священные принципы Вильсоновскихъ «пунктовъ» — и Версальскій миръ, ими оправданный, всеобщее избирательное право — и глупость, бездарность и безсиліе парламентовъ и правительствъ,

изъ нихъ исходящихъ, и многіе другіе аналогичные контрасты, — все это испытанія, которыхъ не выдерживаетъ живая вѣра.

Не радуется насъ больше и прогрессъ науки и связанное съ нимъ развитіе техники. Путешествія по воздуху, этотъ птичій полетъ, о которомъ человечество мечтало вѣками, стали уже почти будничнымъ, обычнымъ способомъ передвиженія. Но для чего это нужно, если не знаешь, куда и зачѣмъ летѣть, если на всемъ свѣтѣ царитъ та же скука, безысходная духовная слабость и безсодержательность? А когда подумаешь, что единственнымъ реальнымъ результатомъ этого развитія воздушныхъ сообщеній является возможность превратить войну въ быстрое и беспощадное убійство населенія цѣлыхъ странъ, въ кошмарно - апокалиптическое истребленіе европейскаго человечества огнемъ съ неба, то трудно духовно увлечься его успѣхами, и развѣ только въ припадкѣ безумнаго отчаянія можно злорадно усмѣхнуться сатанинской мечтѣ о самоуничтоженіи гибнущей Европы. Общее развитіе промышленной техники, накопленіе богатства, усовершенствованіе внѣшнихъ условій жизни, — все это вещи не плохія и конечно нужныя, но иѣтъ ли во всемъ этомъ какой то безнадежности работы надъ сизифовымъ камнемъ, разъ неудержимое влеченіе къ промышленно - торговому развитію привело черезъ войну къ всеобщему разоренію и обнищанію? Возможна ли сейчасъ еще та юная, наивная вѣра, съ которою работали надъ накопленіемъ богатства и развитіемъ производства цѣлыя поколѣнія людей, видѣвшіе въ этомъ средство къ достиженію какой то радостной, послѣдней цѣли? И нужно ли, въ самомъ дѣлѣ, для человѣческаго счастья, это безграничное накопленіе, это превращеніе человѣка въ раба вещей, машинъ, телефоновъ и всяческихъ

иныхъ мертвыхъ средствъ его собственной дѣятельности? У насъ нѣтъ отвѣта на эти вопросы; но у насъ есть сомнѣнія и недовѣріе, которыхъ мы прежде не знали.

А духовныя цѣнности европейской культуры, чистыя и самодовлѣющія блага искусства, науки и нравственной жизни? Но и на все это мы невольно смотримъ теперь инымъ скептическимъ взоромъ. О нравственной жизни мы не будемъ здѣсь говорить — это особая, и особенно тяжкая тема, о ней рѣчь впереди. Здѣсь достаточно сказать, что мы какъ то за это время утѣрили вѣру именно въ самое наличіе нравственной жизни, нравственныхъ устоевъ культурнаго человѣчества; все это именно и оказалось неизмѣримо болѣе шаткимъ, двусмысленнымъ, призрачнымъ, чѣмъ оно казалось ранѣе. Въ искусствѣ самое великое мы видимъ въ прошломъ, современность же — не будемъ произносить никакихъ приговоровъ о ней, претендующихъ на объективность и обоснованность — но въ ней нѣтъ художественнаго движенія, способнаго захватить и окрылить насъ, скрасить тоску нашей будничной жизни и давать намъ радостныя слезы умиленія передъ истинной вѣчной красотой. А вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ пережитыхъ испытаній, произошелъ какой то душевный сдвигъ, въ силу котораго для насъ потускнѣло многое изъ прошлаго. Всякая лирика и романтика въ живописи, поэзіи и музыкѣ, всякая субъективная утонченность, экзальтированность, изысканность и идеалистическая туманность, въ которыхъ еще такъ недавно мы находили утѣху, не только не радуетъ, но раздражаетъ насъ и претитъ намъ: мы ищемъ — и не находимъ — чего то простаго, существеннаго, безспорнаго и въ искусствѣ, какого-то хлѣба насущнаго, по которому мы духовно изголодались. А наука? Но и наука перестала для

насъ быть кумиромъ. Толстыя ученныя книги, плоды изумительнаго прилежанія и безграничной освѣдомленности, всякія научныя школы и методы не внушаютъ намъ прежняго почтенія и какъ то ненужны намъ теперь. Яснѣе прежняго мы видимъ, сколько ограниченности, бездарности, рутинерства, словесныхъ понятій, лишенныхъ реальнаго содержанія, скрыто въ этомъ накопленномъ запасѣ книжнаго знанія, и какъ мало, въ концѣ концовъ, въ большинствѣ «научныхъ» произведеній свѣжей мысли, ясныхъ и глубокихъ прозрѣній. И иногда кажется, что вся такъ называемая «наука», къ которой мы также раньше относились съ благоговѣніемъ неофитовъ и ученическимъ рвеніемъ, есть только искусственный способъ дрсировки бездарностей, что настоящіе умные и живые мыслители всегда выходятъ за предѣлы «научности», даютъ намъ духовную пищу именно потому, что ничего не изучаютъ и никакъ не разсуждаютъ, а видятъ что-то новое и важное, и что этому не можетъ научить никакая наука, — или же, что въ этомъ и состоитъ единственная подлинная наука, которой еще такъ мало въ томъ, что слыветъ подъ именемъ науки.

Всѣ эти мысли и оцѣнки суть не разработанныя, обоснованныя теоріи и объективные приговоры о состояніи современной европейской жизни. Кто изъ насъ можетъ быть безпристрастнымъ судьей этого смутнаго времени, которое само перестало понимать себя? Тѣ, кто накопившееся въ душѣ раздраженіе противъ всего зла современной европейской жизни или презрѣніе къ ея убожеству и смутности, а также естественно нарастающее въ душѣ изгнанниковъ мучительно-острое чувство любви къ несчастной родинѣ и вѣру въ ея будущее превращаютъ въ стройную и систематическую теорію гибели европейской культуры и нарожденія новой, русской, «евразійской» культуры

— не могутъ разчитывать на общее признаніе, на исцѣленіе насъ новой, вдохновляющей и убѣдительною вѣрой. Мы склонны видѣть въ этой теоріи не объективнаго судью нашего безвременья, а скорѣе его болѣзненный результатъ; душа наша не можетъ жить той узостью, тѣмъ обиліемъ ненависти и презрѣнія, тѣмъ горделивымъ осужденіемъ чужого и превознесеніемъ себя самихъ, которыми вѣетъ отъ этой теоріи и въ которыхъ она видитъ исходъ изъ кризиса. Нѣтъ, наши мысли и оцѣнки мы выдаемъ лишь за то, что они есть на самомъ дѣлѣ — за выраженіе нашихъ непосредственныхъ чувствъ, за реальный фактъ нашей духовной жизни. Но въ качествѣ такого факта — это мы знаемъ и утверждаемъ съ полной достовѣрностью — они — не случайность, опредѣлены не поверхностнымъ настроеніемъ, не индивидуальнымъ капризомъ; они глубоко укоренены въ нашей душѣ, въ душѣ преобладающаго большинства мыслящихъ русскихъ людей, отложившись въ ней въ результатъ какого то огромнаго, стихійнаго, неотмѣнимаго и непоправимаго геологическаго переворота духа.

Если мы попытаемся теперь систематизировать эти впечатлѣнія и оцѣнки и хоть до нѣкоторой степени подвести имъ объективный, обоснованный итогъ, то мы можемъ выразить его, какъ мнѣ кажется, въ двухъ основныхъ положеніяхъ. Во-первыхъ, мы потеряли вѣру въ «прогрессъ», и считаемъ прогрессъ понятіемъ ложнымъ, туманнымъ и произвольнымъ. Человѣчество вообще, и европейское человѣчество въ частности, вовсе не непрерывно совершенствуется, не идетъ неуклонно по какому то ровному и прямому пути къ осуществленію добра и правды. Напротивъ, оно блуждаетъ безъ предуказаннаго пути, подымаясь на высоты и снова падая съ нихъ въ бездны, и каждая эпоха живетъ какой-то вѣрой,

ложность или односторонность которой потомъ изобличается. И въ частности, тотъ переходъ отъ «средневѣковья» къ нашему времени, то «новое» время, которое тянется уже нѣсколько вѣковъ и которое раньше представлялось въ особой мѣрѣ безспорнымъ совершенствованіемъ человѣчества, освобожденіемъ его отъ интеллектуальной, моральной и общедуховной тьмы и узости прошлаго, расширеніемъ внѣшняго и внутренняго кругозора его жизни, увеличеніемъ его могущества, освобожденіемъ личности, накопленіемъ не только матеріальныхъ, но и духовныхъ богатствъ и цѣнностей, повышеніемъ нравственнаго уровня его жизни — это «новое время» изобличено теперь въ нашемъ сознаніи, какъ эпоха, которая черезъ рядъ внѣшнихъ блестящихъ успѣховъ завела человѣчество въ какой-то тупикъ и совершила въ его душѣ какое-то непоправимое опустошеніе и ожесточеніе. И въ результатъ этого яркаго и импонирующаго развитія культуры, просвѣщенія, свободы и права, человѣчество пришло на нашихъ глазахъ къ состоянію новаго варварства.

«Прогресса» не существуетъ. Нѣтъ такого заранѣе предуказаннаго пути, по которому бы шло человѣчество, и который достаточно было бы объективно констатировать, научно познать, чтобы тѣмъ уже найти цѣль и смыслъ своей собственной жизни. Чтобы знать, для чего жить и куда итти, каждому нужно въ какой-то совсѣмъ иной инстанціи, въ глубинѣ своего собственнаго духа, найти себѣ абсолютную опору; нужно искать вѣхъ своего пути не на землѣ, гдѣ плывешь въ безграничномъ океанѣ, по которому бессмысленно движутся волны и сталкиваются разные теченія, — нужно искать, на свой страхъ и отвѣтственность, путеводной звѣзды въ какихъ-то духовныхъ

небесахъ и идти къ ней независимо отъ всякихъ теченій и, можетъ быть, вопреки имъ.

Это — первое. И съ этимъ тѣсно связанъ и второй объективный итогъ нашего духовнаго развитія, который есть лишь другая сторона перваго. Старое, логически смутное, но психологически цѣлостное и единое понятіе «культуры», какъ общаго комплекса достиженій человѣчества, то какъ будто стройное, согласованное и неразрывное цѣлое, въ составъ котораго входили и наука, и искусство, и нравственная жизнь, умственное образованіе и жизненное воспитаніе, творчество гениевъ и средній духовный уровень народныхъ массъ, правовыя отношенія и государственныя порядки, хозяйство и техника — это мнимое цѣлое разложилось на нашихъ глазахъ, и намъ уяснилась его сложность, противорѣчивость и несогласованность. Мы поняли, что нельзя говорить о какой-то единой культурѣ и преклоняться передъ нею, разумѣя подъ ней одинаково и творчество Данте и Шекспира, и количество потребляемаго мыла или распространенность крахмальныхъ воротничковъ, подвиги героизма и усовершенствованіе орудій человѣкоубійства, силу творческой мысли и удобное устройство ватеръ-клозетовъ, внутреннюю духовную мощь человѣчества и мощь его динамо-машинъ и радіо-станцій. Мысли, когда-то намѣченныя нашими славянофилами и нынѣ повторенныя Шпенглеромъ, о различіи между «культурой» и «цивилизацией», между духовнымъ творчествомъ и накопленіемъ внѣшняго могущества и мертвыхъ орудій и средствъ внѣшняго устроенія жизни отвѣчаютъ какой-то основной правдѣ, нынѣ нами усмотрѣнной, какъ бы сложно и спорно ни было теоретическое выраженіе этихъ мыслей. Такъ же ясно усмотрѣли мы различіе и даже противоположность между глубиной и интенсивностью самой духовной

жизни, съ одной стороны, и экстенсивной распространённостью ея внѣшнихъ результатовъ и плодовъ, — съ другой, между истинной просвѣщенностью и блескомъ внѣшней образованности, между внутренними нравственными основами жизни и оффициально возвѣщаемыми лозунгами или внѣшне-нормированными правовыми и политическими отношеніями, между культурой духа и культурой тѣла. Мы замѣчаемъ часто ослабленіе духовной активности при господствѣ лихорадочно-интенсивной хозяйственной, технической, политической дѣятельности, внутреннюю пустоту и нищету среди царства матеріального богатства и обилія внѣшнихъ интересовъ, отсутствіе подлинной осмысленности жизни при строгой раціональности ея внѣшняго устройства и высокомъ уровнѣ умственнаго развитія.

Мы видимъ духовное варварство народовъ утонченной умственной культуры, черствую жестокость при господствѣ гуманитарныхъ принциповъ, душевную грязь и порочность при внѣшней чистотѣ и благопристойности, внутреннее безсиліе внѣшняго могущества. Отъ туманнаго, расползающаюся на части, противорѣчиваго и призрачнаго понятія культуры мы возвращаемся къ болѣе коренному, простому понятію жизни и ея вѣчныхъ духовныхъ нуждъ и потребностей. «Культура» есть производное отложеніе, осадокъ духовной жизни человѣчества; и смотря по тому, чего мы ищемъ и что мы цѣнимъ въ этой жизни, тѣ или иные плоды или достиженія жизни мы будемъ называть культурными цѣнностями. Но и здѣсь, слѣдовательно, у насъ нѣтъ болѣе осязаемаго, внѣшне-даннаго и бросающагося въ глаза, общеобязательнаго критерія уровня жизни. Жизнь есть противоборство разнородныхъ началъ, и мы должны знать, что въ ней хорошо и что — дурно, что — цѣнно и что — ничтожно. Если мы найдемъ истинное добро, истинную

задачу и смыслъ жизни и научимся ихъ осуществлять, мы тѣмъ самымъ будемъ соучаствовать въ творествѣ истинной культуры. Но никоимъ образомъ мы не можемъ формировать нашъ идеаль, нашу вѣру, озираясь на то, что уже признано, въ качествѣ культуры, и приспособляясь къ нему.

Въ этомъ смыслѣ и вѣра въ «культуру» умерла въ нашей душѣ, и всѣ старыя, прежде безспорныя цѣнности, причислявшіяся къ ея составу, подлежатъ еще по меньшей мѣрѣ пересмотру и провѣркѣ. Обаяніе кумира культуры померкло въ нашей душѣ такъ же, какъ обаяніе кумира революціи и кумира политики. Во всей извнѣ окружающей насъ общественной и человѣческой жизни мы не находимъ больше опорныхъ точекъ, не находимъ твердой почвы, на которую мы можемъ съ довѣріемъ опереться. Мы висимъ въ воздухѣ среди какой-то пустоты или среди тумана, въ которомъ мы не можемъ разобраться, отличить зыбкое колыханіе стихій, грозящихъ утопить насъ, отъ твердаго берега, на которомъ мы могли бы найти пріютъ. Мы должны искать мужества и вѣры въ себѣ самихъ.

4. Кумиръ „идеи“ и „нравственнаго идеализма“.

Описанныя выше разочарованія были преимущественно результатомъ общественнаго опыта, катастрофическихъ событій послѣдняго десятилѣтїя; и они выражаются въ крушеніи общественныхъ вѣрованій — кумировъ «революціи», «политики», «культуры и прогресса». Но когда мы глубже всматриваемся въ самихъ себя, то мы съ удивленіемъ убѣждаемся, что общій итогъ этого крушенія совпадаетъ съ итогомъ какого-то внутренне-моральнаго, личнаго духовнаго переворота, совершившагося въ человѣческой душѣ за послѣднее время, подготовлявшагося уже давно и совершенно независимо отъ какихъ либо общественныхъ событій. И вмѣстѣ съ тѣмъ мы замѣчаемъ, что все, въ чемъ мы признались, еще лишь поверхностно, далеко не полно и недостаточно глубоко выражаетъ всю значительность и радикальность происшедшей въ насъ духовной катастрофы. Эту катастрофу мы можемъ обозначить, какъ крушеніе кумира «идеи» или «нравственнаго идеализма»; это есть основной переломъ въ общемъ моральномъ умонастроеніи, — переломъ, въ отношеніи котораго все предыдущее было какъ бы только нѣкоторой прелюдїей, вступительнымъ описаніемъ его внѣшнихъ поводовъ и симптомовъ.

Современный человекъ, лишенный религіозной вѣры, жилъ доселѣ ея суррогатомъ въ лицѣ того, что онъ называлъ «идеей» или «принципами». «Идея» была либо представлениемъ какой либо внѣшней и отдаленной цѣли, какой то подлежащей осуществленію задачи, которой человекъ посвящалъ всю свою жизнь, либо нравственными нормами и правилами, которымъ человекъ подчинялъ свою жизнь. У кого были такіе «идеи», тѣхъ мы называли людьми «идейными», «принципальными»; мы почитали ихъ и старались сами стать такими же. Противоположный сортъ людей назывался людьми «безъидейными» и «безпринципными»; это были современные, свѣтскіе грѣшники и падшіе. Человекъ оцѣнивался не столько по его непосредственной доброкачественности, талантливости, добротѣ и благожелательству, сколько по идейной убѣжденности и преданности своей «идеѣ».

Основная мысль этого моральнаго умонастроенія заключалась въ томъ, что человекъ тогда живетъ нормально и осмысленно, когда онъ служитъ, приносить всю свою жизнь въ жертву какому-то определенному, отвлеченно постигнутому и выраженному началу. Тогда это начало есть добро и смыслъ человеческой жизни. Какъ указано, либо человекъ долженъ служить осуществленію какой либо объективной задачи: онъ долженъ «посвятить себя» государству, воплощенію определеннаго политическаго идеала, развитію народнаго образованія, поднятію матеріальнаго уровня народной жизни, или какому либо иному «идеалу»; либо же — и это есть обязательный для всѣхъ минимумъ требованія — онъ долженъ во имя общаго блага или непосредственной святости нѣкоторыхъ принциповъ — сграницить свою свободу неукоснительнымъ соблюденіемъ определенныхъ нормъ поведенія, нравственныхъ правилъ, регулирующихъ его

отношеніе къ людямъ. Подъ «идеями», «принципами», или, еще иначе, «нравственными идеалами» разумѣлось одинаково и вѣра въ опредѣленные, подлежащія постепенному осуществленію, будущія состоянія человѣческой жизни, и вѣра въ опредѣленные порядки и правила, имѣющія абсолютное значеніе и требующія постояннаго соблюденія. Въ большинствѣ случаевъ, человѣкъ долженъ былъ брать на себя бремя двойного служенія: онъ долженъ былъ отдавать свои силы, свое вниманіе и интересы осуществленію своего «идеала» общественнаго, государственнаго, культурнаго и т. п. порядка, и онъ долженъ былъ строжайше подчинять себя дисциплинѣ установленнаго, вѣчно дѣйствующаго нравственнаго устава жизни.

При всей разнородности этихъ двухъ смысловъ понятія «идеала», «идеи» или «принципа», морально-психологическое дѣйствіе ихъ на человѣческую душу было одно и то же, и намъ нѣтъ поэтому надобности разсматривать ихъ въ отдѣльности. Выше, въ предыдущихъ размышленіяхъ, мы отмѣтили крушеніе ряда отдѣльныхъ «идеаловъ» въ первомъ смыслѣ слова; общій итогъ этихъ размышленій легко наводитъ насъ на мысль, что, послѣ всѣхъ происшедшихъ потрясеній общественной жизни и общественныхъ вѣрованій, врядъ ли мы еще фактически въ состояніи теперь колебимо увѣровать въ какой либо «идеаль» въ этомъ смыслѣ. Но совершенно независимо отъ этого фактическаго нашего безсилія и, однако, какъ бы обосновывая и тѣмъ усугубляя его, въ нашей душѣ нарастаетъ принципиальное невѣріе — и притомъ какъ во всякіе вообще «идеалы», въ смыслѣ объективныхъ цѣлей, которые мы обязаны осуществлять, такъ и въ нравственные идеалы, въ смыслѣ нормъ и правилъ поведенія, которымъ мы должны непрекословно подчиняться, какъ неприкосновеннымъ

святынямъ. Это не значитъ, что душа наша жаждетъ безграничнаго разгула, разнузданности, произвола, безмѣрной и безформенной свободы: если такія возделѣнія и шевелятся иногда въ ней, то это — только преходящія душевныя состоянія, ненормальность и неудовлетворительность которыхъ мы хорошо сознаемъ. Напротивъ, въ господствующемъ нашемъ духовномъ настроеніи преобладаетъ съ почти болѣзненной силой жажда чему-то отдать свою жизнь и черезъ это самоотреченіе осмыслить ее и найти послѣднюю прочность и спокойствіе. И тѣмъ не менѣе мы не можемъ отдать ее никакому «идеалу», никакимъ «принципамъ». Эта форма обоснованія и упорядоченія нравственной жизни насъ больше не удовлетворяетъ. Мы ощущаемъ въ ней не свободное жертвенное служеніе живому Богу, а бессмысленныя, изувѣрскія человѣческія жертвоприношенія идоламъ, въ которыхъ мы не вѣримъ, мертвость и призрачность которыхъ мы ясно ощущаемъ. Мы вынуждены признаться въ крушеніи главнаго, основнаго кумира современнаго человѣчества, кумира «нравственнаго идеализма», безрелигіозной морали долга, и отдать себѣ отчетъ въ смыслѣ и основаніяхъ этого крушенія. Какъ и почему оно совершилось — это трудно объяснить, да въ этомъ нѣтъ и надобности. Нужно только ясно осознать, въ чемъ оно собственно заключается и до какого духовнаго состоянія мы дошли въ его результатѣ.

Общій смыслъ его состоитъ въ томъ, что мы уже не вѣримъ въ «добро», какъ отвлеченное, самодовлѣющее начало, несущее свою святость и свое верховное владычество надъ душами въ самомъ себѣ, и выразимое въ рядѣ отдѣльныхъ нормъ или требованій, обязательныхъ для человѣка. Выражаясь традиціоннымъ философскимъ терминомъ, мы не вѣримъ въ

«моральный категорическій императивъ». Это невѣрие можно обосновать съ разныхъ сторонъ.

Первое, что мы ощущаемъ, какъ нѣчто ненормальное во всѣхъ отвлеченныхъ нравственныхъ идеалахъ и нормахъ, есть та холодная и беспощадная принудительность, съ которою они властвуютъ надъ нашей душой. Я обязанъ ихъ исполнить, я не вправѣ отступить отъ нихъ, хочу ли я того или не хочу, и чего бы мнѣ ни стоило ихъ выполненіе. Правда, со времени Канта, намъ указываютъ на абсолютный, т. е. безспорный характеръ этихъ нормъ и на ихъ внутреннее, т. е. свободное признаніе личностью, въ отличіе отъ нормъ юридическихъ, законовъ государства, которые властвуютъ надъ нами извнѣ и силою внѣшняго давленія, а не внутренней своей авторитетностью. Но уже Кантъ долженъ былъ признать, что собственно свободно, актомъ личнаго признанія, подлинно «автономно» эти нормы пріемлетъ и ставитъ надъ собой лишь высшее начало человѣческой личности, «трансцендентальное я», тогда какъ эмпирической человѣкъ обязанъ просто и безпрекословно имъ повиноваться. * А если мы отъ этой отвлеченной теоріи перейдемъ къ непосредственной практикѣ, къ живому душевному и духовному опыту человѣка, то мы ясно сознаемъ, что это притязаніе на абсолютную, непререкаемую безспорность и на внутреннюю, а не только внѣшнюю авторитетность, — притязаніе, съ которымъ дѣйствительно выступаютъ нравственныя требованія, не смягчаетъ, а, напротивъ, усугубляетъ ихъ властность, беспощадность, тираннію ихъ господства надъ нашей душой. Ибо въ дѣйствительности никто изъ насъ, живыхъ мятущихся людей, одержимыхъ и добрыми, и злыми страстями, раздираемыхъ и разнородными порывами, и сложными сомнѣніями, не владѣетъ тѣмъ строгимъ, чистымъ, неподкупнымъ

и незыблемымъ, безгрѣшнымъ и безошибочнымъ высшимъ разумомъ, который, согласно теоріи Канта и ходячимъ моральнымъ ученіямъ, долженъ свободно и съ полной внутренней убѣдительностью ставить надъ нами этотъ незыблемый нравственный законъ. Съ точки зрѣнія живого психологическаго опыта это высшее и строго-разумное я есть просто выдумка, которой не соотвѣтствуетъ никакая дѣйствительность. И хотя бы не только въ отвлеченной философской теоріи, но и въ практикѣ нравственной жизни люди привыкли симулировать это наличие внутри ихъ безошибочно судящаго нравственнаго разума и поэтому требуютъ и отъ насъ непрекословнаго признанія его авторитета — здѣсь, гдѣ мы рѣшили правдиво описать и осмыслить нашъ духовный опытъ, мы должны, какъ мальчикъ въ андерсеновской сказкѣ, открыто сказать, что «король голъ» и что мы лишены удовольствія знать это «чистое трансцендентальное я» и потому и не можемъ свободно поклоняться ему и его предписаніямъ.

Что же это значитъ? Отрицаемъ ли мы наличие совѣсти у человѣка, силу и вліятельность ея указаній въ человѣческой жизни? Въ нашу задачу — въ задачу непредвзятаго описанія духовной реальности — не можетъ входить никакое доктринерское отрицаніе реальныхъ фактовъ. Совѣсть, эта «змѣя сердечныхъ угрызений», внутренней стыдъ передъ самимъ собою, отъ котораго иногда сгораютъ человѣкъ, презрѣніе къ самому себѣ, мучительная тоска по просвѣтлѣнію и самоочищенію, безнадежная жажда исправить непоправимое, стереть изъ прошлаго содѣланный грѣхъ — все это факты, и факты слишкомъ значительные, чтобы ихъ можно было отрицать или не замѣчать. Но здѣсь, не вдаваясь въ болѣе глубокое разсмотрѣніе этихъ фактовъ, мы отмѣчаемъ лишь существенное отличіе этихъ интимныхъ, глубоко-личныхъ, потаенныхъ

моральныхъ кризисовъ отъ того какъ бы официальнаго, общеобязательнаго, основаннаго на строгихъ, неизмѣнныхъ, общепризнанныхъ нормахъ морали, суда «нравственнаго разума», который угнетаетъ нашу духовную жизнь и подлинная осмысленность и авторитетность котораго намъ сомнительна. Если подь «совѣстью» — какъ это обычно бываетъ — разумѣть наше внутреннее подчиненіе этому суду и этой власти, то недалекъ отъ правды будетъ Шопенгауеръ, сказавшій гдѣ-то, что то, что называютъ голосомъ совѣсти, на 9/10 есть просто страхъ общественнаго порицанія, рабская трусость передъ мнѣніемъ другихъ.

И дѣйствительно, тамъ, гдѣ надъ нами властвуютъ эти отвлеченные, общеобязательные, холодно-разумные нравственные «идеалы» и «принципы», мы ощущаемъ себя [данниками, плѣнниками, подъяремными рабами. Поскольку мы еще не свыклись до конца съ этимъ рабскимъ состояніемъ, поскольку мы еще сохранили — по крайнѣй мѣрѣ наединѣ, съ собой — свободную правдивость духа, въ насъ невольно накапливается протестъ противъ этихъ оковъ. Нарождается недопустимый, еретическій и глупый для большинства людей, но неотвязный дѣтски-наивный вопросъ: почему вообще я обязанъ что либо дѣлать, къ чему у меня нѣтъ влеченія? Почему вообще я, живущій въ мірѣ одинъ только разъ, полный ненасытимой жажды жизни и самообнаруженія, долженъ жертвовать собой чему-то или кому-то, ограничивать и стѣснять себя? Почему я долженъ быть добрымъ, долженъ любить людей, если я ихъ ненавижу, почему и во имя чего я долженъ ломать и передѣлывать самого себя, быть не тѣмъ, что я есть на самомъ дѣлѣ? И наконецъ, если бы я даже пытался въ угоду такъ называемыхъ нравственныхъ идеаловъ ломать себя, то я бы въ дѣйствительности не сумѣлъ этого

сдѣлать: я не могу быть добродѣтельнымъ и строго-принципіальнымъ человѣкомъ, если я на самомъ дѣлѣ рожденъ грѣшнымъ, страстнымъ, раздираемымъ противорѣчивыми желаніями, мятущимся существомъ; я могу развѣ только казаться добродѣтельнымъ. Такъ неужели же въ этомъ — задача морали? Или, можетъ быть, такъ дѣло и обстоитъ, и всѣ люди хотятъ только казаться добродѣтельными и поглубже прятать отъ суда морали свое подлинную живую природу, свое внутреннее необузданно-свободное существо?

И невольно вспоминаются дерзновенные протесты, новые и старые, противъ ига морали. Вспоминается Штирнеръ съ его анархическимъ культомъ самодержавнаго я, вспоминается глумленіе Ницше надъ «моралью рабовъ» и его аристократическій идеаль внутренне-благородной, духовно-свободной личности, которая знаетъ свою высшую цѣнность и имѣетъ право на все, не признавая надъ собою ничьего суда и закона. Вспоминается еще древнее, приводимое Платономъ, разсужденіе свободомыслящаго грека (Калликла въ діалогѣ «Горгій»), что человѣкъ рождается съ львиной природой, но попадаетъ въ руки воспитателей, которые, изъ корыстной и трусливой потребности своего самосохраненія, прививаютъ ему идеи и чувства овцы, кротость, покорность и миролюбіе; но когда такой дрессированный львенокъ подрастетъ, онъ рано или поздно разорветъ связывающіе его путы и явится во всемъ своемъ грозномъ природномъ величіи, во всей силѣ своей первобытной свободы; или аналогичное, тоже сохраненное Платономъ, разсужденіе (ритора Тразимаха въ I-ой книгѣ «Государства»), что мораль, идея служенія ближнимъ, есть сказка старыхъ нянекъ, съ помощью которыхъ умные властители усыпляютъ и одурачиваютъ ребячливыхъ людей, чтобы тѣмъ свободнѣе властвовать надъ ними

въ своихъ интересахъ. Пусть такой аморализмъ не во всемъ правъ, пусть онъ увлекаетъ насъ на опасные и гибельные пути, пусть онъ искусственно упрощаетъ сложность человѣческой природы и слишкомъ грубо отождествляетъ драгоцѣнный духовный даръ человѣческой свободы съ простой звѣриной разнузданностью, съ однимъ лишь безмѣрнымъ просторомъ страстей и вождельній; все же, передъ лицомъ холодной, тиранической и внутренне - непонятной намъ морали долга онъ содержитъ для насъ какую-то неизъяснимую, соблазняющую правду, какъ-то прельщающій насъ призывъ къ духовной свободѣ.

Возьмемъ для примѣра одну сторону жизни, которую, именно въ виду полного несоотвѣтствія неукротимой и таинственно - своевольной ея природы оффиціальной морали долга, принято стыдливо замалчивать. Я разумѣю половую жизнь, во всей глубинѣ, силѣ и во всемъ причудливомъ многообразіи ея проявленій. Половая жизнь . доставляетъ всѣмъ намъ, и особенно въ молодомъ возрастѣ, не одни лишь радости, но и великія муки и волненія. Но всѣ мы тщательно скрываемъ эти муки даже отъ самыхъ близкихъ людей, всѣ мы, передъ лицомъ оффиціальной морали, симулируемъ полную нашу благопристойность, уравновѣшенность и спокойное, всецѣло подчиненное нормамъ морали, отношеніе къ этому вопросу. Лишь одни врачи и психопатологи, изъ наиболее чуткихъ, знаютъ, какія бури разыгрываются въ человѣческой душѣ въ этой области, и сколько мукъ, физическихъ и душевныхъ болѣзней, разбитыхъ и искалѣченныхъ жизней причиняютъ эти глубоко - застенныя стихійныя бури. И въ этой трагической области, которая требуетъ въ отношеніи себя величайшей внимательности, чуткости, осторожности и индивидуализаціи, гдѣ мы такъ страстно жаждемъ со-

вѣта, утѣшенія, подлинной помощи, гдѣ намъ нужны опытные руководители, чуткіе друзья, деликатные, понимающіе нашу муку и нашъ стыдъ, педагоги и разумные врачи, — мы наталкиваемся на непробиваемыя стѣны оффиціальной, безпощадно - строгой, одинаковой для всѣхъ морали, мы стоимъ передъ лицомъ суровыхъ, тупыхъ и къ тому же лицемѣрныхъ судей — ибо сами судьи не лучше судимыхъ, и лишь мстятъ своимъ судомъ за свои собственныя скрытыя мученія. Начиная съ болѣзней и странныхъ извращеній, которые не только губятъ наше здоровье, но разѣдаютъ нашу душу муками потаеннаго стыда и самопрезрѣнія, и кончая вихремъ страсти, овладѣвающимъ нами, какъ безуміе, заставляющимъ насъ забыть о всемъ остальномъ и, очертя голову, броситься въ пропасть, рискуя погубить и себя, и другихъ — нигдѣ, въ роковыя минуты, когда назрѣваютъ рѣшенія, отъ которыхъ часто зависитъ вся наша жизнь, не встрѣчаемъ мы помощи, совѣта, даже простого слова вниманія и ободренія; все мы должны таить въ себѣ, мы ощущаемъ себя преступниками, уже заранее осужденными судомъ морали, и знаемъ: — если что либо изъ этихъ тайныхъ драмъ вскроется, мы будемъ опозорены, и моральное общественное мнѣніе лишь постарается довести насъ до полной гибели, до самоубійства, какъ оно довело до этого даже иныхъ геніальныхъ людей. Какъ будто недостаточно здѣсь внутренняго трагизма, имманентныхъ, роковымъ образомъ присущихъ этой области страданій и терзаній, наносящихъ намъ глубокія сердечныя раны — всѣ точно молчаливо сговорились своимъ холоднымъ равнодушіемъ или суровымъ осужденіемъ еще раздирать эти раны. А между тѣмъ про себя, втайнѣ, мы хорошо сознаемъ, что не все въ этой области заслуживаетъ отверженія, преодоленія, презрѣнія. Не

только мы по слабости часто не въ силахъ, при всемъ разумномъ нашемъ желаніи, побороть эту неукротимую животную природу насъ самихъ, и жаждемъ, чтобы поняли и простили намъ это безсиліе; но часто также — и въ этомъ состоитъ главный трагизмъ — мы ощущаемъ исконную слитность этой слѣпой страсти съ высшимъ и глубочайшимъ началомъ нашей личности, мы сами не знаемъ, — какъ отмѣтилъ это уже глубочайшій изъ психологовъ, Достоевскій, — гдѣ кончается въ нашей душѣ священный культъ Мадонны и гдѣ начинается Содомъ; и самъ Содомъ влечетъ насъ не внѣшними чувственными утѣхами, а непреодолимымъ соблазномъ мистической красоты, силы и всезахватывающаго упоенія. Какъ это ни дико звучитъ для суровыхъ моралистовъ, которыхъ длительное лицемѣріе уже приучило къ совершенной духовной слѣпотѣ — въ бѣшенномъ, самозабвенномъ разгулѣ страстей, къ которому насъ манигъ заунывно-залихватская цыганская пѣсня, намъ мерещится часто разрѣшеніе (послѣдней, глубочайшей нашей тоски, какое-то предѣльное самоосуществленіе и удовлетвореніе, по которому томится уже не одно лишь тѣло, а самъ духъ нашъ. И уже съ полной субъективной очевидностью внутренней правоты и потому внутренняго права на свободу мы часто сознаемъ великую и чистую, несмотря на всю страстность ея и связанность съ физическимъ влеченіемъ, любовь къ женщинѣ, внѣ которой въ эти мгновенія наша жизнь теряетъ весь свой смыслъ, и которую мы тогда ощущаемъ, какъ глубочайшую основу нашего собственнаго я — какъ бы эта страсть ни противорѣчила всѣмъ общепризнаннымъ и общеобязательнымъ нормамъ морали.

Можно ли вообще въ этой области быть «разумнымъ», «принципіальнымъ» человѣкомъ, «идейно» нор-

мировать свою жизнь? Какъ бы туманна, опасна ни была эта сфера, сколько бы зла ни таилось въ ней сколько бы коварныхъ миражей не влекло въ ней къ гибели — но никто, положа руку на сердце, не можетъ признать въ ней незыблемую внутреннюю авторитетность для себя нравственнаго разума, непреклонныхъ, общеобязательныхъ принциповъ морали, которые извнѣ, безъ вниманія къ своеобразію личности, одинаковымъ для всѣхъ образомъ нормируютъ эту жизнь. Пусть всѣ мы — грѣшники; но по крайней мѣрѣ въ этой области мы не можемъ не быть грѣшниками; и если гдѣ либо, то именно здѣсь мы ждемъ не суда, а спасенія, — или такого суда, который дѣйствительно очищаль бы насъ и тѣмъ давалъ спасеніе. Вмѣсто этого мы встрѣчаемъ жестокихъ, холодныхъ идоловъ морали долга, которымъ приносятся бесчисленныя человѣческія жертвоприношенія. По истинѣ, правъ мудрый поэтъ:

Opfer fallen hier,
Weder Lamm noch Tier,
Aber Menschenopfer unerhört.

Возьмемъ теперь совсѣмъ иную область этой морали долга — мораль общественнаго служенія. Ярче всего она выражалась въ нашемъ русскомъ прошломъ въ моральномъ культѣ революціоннаго героизма. Мы поминали о немъ въ размышленіи о «кумирѣ революціи»; мы напомнили тамъ, что этотъ кумиръ, разоблаченный нынѣ, какъ пожирающій жизнь молодыхъ, имѣлъ своихъ вдохновенныхъ служителей, своихъ подвижниковъ и добровольныхъ героевъ. Но теперь мы хотѣли бы обратить вниманіе на другую, обратную сторону дѣла: на cadaго добровольнаго героя и подвижника этотъ кумиръ революціоннаго служенія — какъ и всякій иной кумиръ — имѣлъ де-

сятки, если не сотни недобровольныхъ жертвъ, гонимыхъ на служеніе и гибель бичемъ морально - общественнаго мнѣнія. вмѣсто общихъ разсужденій я хотѣлъ бы здѣсь привести одинъ конкретно - индивидуальный примѣръ изъ личныхъ воспоминаній.

Какъ уже указано, лѣтъ 25 тому назадъ въ определенныхъ кругахъ русской молодежи безраздѣльно царилъ универсальный, всепоглощающій культъ революціоннаго служенія. Предполагалось, что студенческая молодежь безъ остатка дѣлится на двѣ группы: либо безпринципные карьеристы и кутилы - «бѣлоподкладочники», либо же «идейные» люди, посвятившіе себя прогрессу и спасенію народа, т. е. революціонные герои. Правда, большинство этихъ героевъ не занималось ничѣмъ, кромѣ безконечныхъ словопреній, разсужденій о «теоріи прибавочной стоимости» Маркса и о судьбѣ крестьянской общины, и развѣ только еще чтеніемъ нелегальной политической литературы; лишь немногіе избранники были посвящены въ настоящую политическую конспирацію. Но и первые всегда рисковали быть изгнанными изъ университета, сосланными если не въ Сибирь, то въ глухую провинцію или попасть въ тюрьму, и потому считали себя дѣятелями и борцами - героями. Въ одномъ такомъ невинно - «революціонномъ» студенческомъ кружкѣ въ Москвѣ участвовалъ одинъ тихій, хорошо-воспитанный застѣнчивый юноша изъ семьи обрусѣвшихъ нѣмецкихъ дворянъ. Когда кружокъ былъ арестованъ, и всѣмъ было ясно, что участникамъ его не грозитъ ничего страшнаго, что дѣло кончится развѣ только исключеніемъ изъ университета и высылкой изъ Москвы, юноша этотъ, неожиданно для всѣхъ, покончилъ съ собой въ тюрьмѣ, и притомъ какимъ дико-жестокимъ способомъ, который свидѣтельствовалъ о предѣльномъ душевномъ отчаяніи: сначала цаглотался

осколковъ стекла, а потомъ, обливъ свою кровать керосиномъ, поджегъ себя и скончался послѣ страшныхъ мученій. Передъ смертью онъ признался, что его мучила его неспособность стать настоящимъ революціонеромъ, внутреннее отвращеніе къ этому занятію, непреодолимое желаніе обычной мирной жизни; онъ самъ призналъ себя существомъ ни къ чему не годнымъ и пришелъ къ рѣшенію покончить съ собой. Конечно, мы, его товарищи, совершенно не поняли тогда всего трагизма этого признанія. Его смерть насъ потрясла, но вину въ ней мы возлагали на «деспотизмъ» ненавистнаго режима; изъ его похоронъ, мы, какъ полагается, устроили антиправительственную демонстрацію и успокоились въ сознаніи нашей собственной революціонной добродѣтельности. Но когда теперь, послѣ всего пережитого и происшедшаго, я вспоминаю этотъ случай, я чувствую на себѣ кровь этой невинной жертвы; я чувствую себя моральнымъ соучастникомъ всѣхъ убійствъ и злодѣяній, которыя, во имя революціи, творятся въ чрезвычайкахъ. Ибо вѣдь это мы сами, идейные служители долга, своимъ моральнымъ принужденіемъ къ революціонному образу мыслей и революціонному героизму приговорили къ смерти эту ни въ чемъ неповинную юную человѣческую душу; мы, хотя и не замѣчая того, тираннически насилывали ее своимъ беспощаднымъ требованіемъ отъ нея революціоннаго служенія, къ которому она была не склонна.

А сколько жертвъ вообще было принесено на алтарь революціоннаго или «прогрессивнаго» общественнаго мнѣнія! Сколько талантовъ погибало, или по крайпѣй мѣрѣ подвергалось жесточайшимъ преслѣдованіямъ, настоящему беспощадному моральному бойкоту за нарушеніе «категорическаго императива» «прогрессивнаго» общественнаго мнѣнія. Едва ли можно найти

хоть одного подлинно - даровитаго, самобытнаго, вдохновеннаго русскаго писателя или мыслителя, который не подвергался бы этому моральному бойкоту, не претерпѣлъ бы отъ него гоненій, презрѣнія и глумленій, Аполлонъ Григорьевъ и Достоевскій, Лѣсковъ и Константинъ Леонтьевъ — вотъ первыя, входящія въ голову, самыя крупныя имена геніевъ или по крайней мѣрѣ настоящихъ вдохновенныхъ національныхъ писателей, травимыхъ, если не затравленныхъ, моральнымъ судомъ прогрессивнаго общества. Другимъ же, мало извѣстнымъ жертвамъ этого суда — нѣсть числа.

Мы склонны съ презрѣніемъ или въ лучшемъ случаѣ съ улыбкой снисходительной ироніи вспоминать этотъ недавній деспотизмъ общественнаго мнѣнія. Напрасно. Ибо въ немъ ничего не измѣнилось, кромѣ содержанія и названія кумировъ, которымъ приносятся эти человѣческія жертвы. Съ тѣмъ же фарисейскимъ самодовольствомъ, съ тѣмъ же жестокимъ и холоднымъ невниманіемъ къ живой человѣческой личности травятъ въ настоящее время людей, живая душа которыхъ не можетъ улечься въ трафареты «контръ - революціоннаго» общественнаго долга. И опять идетъ проповѣдь общественнаго героизма, какъ священнаго и потому морально-принудительнаго долга всякой личности, внѣ котораго ей нѣтъ признанія. И опять, роковымъ образомъ, на одного подлинно-воодушевленнаго и свободнаго героя, влекомаго на подвигъ внутренней любовью и призваніемъ, приходится десятки жертвъ, гонимыхъ бичомъ моральнаго общественнаго мнѣнія.

Сколько людей вообще есть на свѣтѣ, которые, въ области ли общественнаго служенія или въ какой либо иной области нравственной жизни, живутъ и даже умираютъ со славой «героя», не потому, что

они — дѣйствительные герои, а только потому, что они слишкомъ трусливы, чтобы скинуть съ себя иго принудительнаго геройствованія, — потому что часто морально - легче даже умереть по принужденію, чѣмъ выдержать общественное презрѣніе и дать отпоръ моральному общественному мнѣнію. Такъ часто солдаты идутъ въ смертельно - опасную атаку и гибнутъ въ ней не потому, что они полны подвижническаго самоотреченія, а только потому, что въ тылу стоятъ пулеметы, отрѣзающіе путь назадъ и грозящіе отступающему уже вѣрной смертью.

Быть можетъ, насъ упрекнутъ, что мы допустили непозволительный подмѣнъ понятій: наша тема была — власть «идей» и «моральныхъ идеаловъ», а мы говоримъ о давленіи общественнаго порицанія, о гнетѣ людскаго мнѣнія. Нравственный идеаль, скажутъ намъ, есть то, что личность признаетъ сама, во что она подлинно внутренне вѣруетъ; нравственный идеаль, согласно приведенному уже разъясненію Канта, всегда «автономенъ», власть же общественнаго мнѣнія — «гетерономна». Но въ томъ-то и дѣло, что это различіе, теоретически такъ отчетливо устанавливаемое, въ практикѣ душевной жизни постоянно стирается, и почти всегда совершенно отсутствуетъ. И поскольку рѣчь идетъ именно о нравственныхъ нормахъ, выражаемыхъ въ рациональныхъ, для всѣхъ людей и случаевъ жизни одинаково - обязательныхъ понятіяхъ, и ничѣмъ инымъ, кромѣ своего собственнаго авторитета, не обоснованныхъ, — мы именно и утверждаемъ, что живая личность, по собственному, внутреннему, подлинно - свободному отношенію своему къ нимъ, ихъ не признаетъ, а лишь по нуждѣ подчиняется имъ, какъ извнѣ навязанному игу. Подлинная, конкретная нравственная жизнь — и личныя потребности человека, не только низшія, но и высшія, духовныя, отъ

которыхъ онъ не можетъ отречься, и жизненная обстановка, живыя отношенія къ людямъ — все это такъ сложно, индивидуально, что нравственная правда здѣсь всегда можетъ быть лишь конкретной и не укладывается ни въ какіе общіе принципы, нормы и идеи. Вотъ почему, кстати сказать, всѣ философскія попытки логически вывести содержанія нравственныхъ идеаловъ, понимаемыхъ, какъ общеобязательныя нормы поведенія, совершенно безнадежны, доселѣ ни къ чему не привели и привести не могутъ. Этика «морали долга» теоретически виситъ въ воздухѣ; въ этомъ смыслѣ этика совсѣмъ не есть наука — она есть просто кодексъ авторитарныхъ предписаній, въ который я слѣпо обязанъ вѣрить. Попытка Канта изъ одной лишь формы «категорическаго императива», какъ общеобязательнаго моральнаго закона, вывести его конкретное содержаніе, съ полной очевидностью разоблачена, какъ безнадежное и бесплодное софистическое ухищреніе мысли, которое логически опирается на неубѣдительныя (и отвергаемыя самимъ Кантомъ) соображенія утилитарнаго порядка. Всѣ же остальные возможности научно-логическаго обоснованія этики въ свою очередь убѣдительно опровергнуты самимъ Кантомъ. Всѣ онѣ сводятся къ попыткамъ вывести нравственные идеалы изъ фактическихъ, эмпирическихъ потребностей человѣка; но именно поэтому всѣ онѣ допускаютъ безнадежную логическую пропасть, содержать, выражаясь логически, недопустимый *μετάβασις εἰς ἄλλο γένος* (необоснованный скачекъ изъ одной области въ другую). Ибо изъ того, что всѣ люди стремятся къ тому или къ другому, вовсе не слѣдуетъ, что ихъ стремленія нравственно-цѣльны, что я обязанъ ихъ уважать и подчинять имъ свою жизнь, т. е. калѣчить ради нихъ свои собственныя стремленія, которыя для меня имѣютъ не меньше

права на существованіе, чѣмъ господствующія стремленія. Моральные принципы — во всѣ моменты сложныхъ, трагическихъ конфликтовъ — не обладаютъ для личности ни внутренней самоочевидностью, ни характеромъ научно - логической обоснованности. Они просто навязываются, подобно юридическимъ нормамъ, какъ ограничивающая и давящая насъ сила, съ той только разницей, что сила ихъ усугублена всей беспощадностью общественнаго порицанія за ихъ нарушеніе. Мы уже оговорились выше и еще разъ повторяемъ: конечно, мы не хотимъ сказать этимъ, что моральныя вѣхи въ жизни совсѣмъ не нужны, что всѣ моральныя вѣрованія суть пустой предразсудокъ, который можно легко отбросить, чтобы отдаться безграничной свободѣ. Мы ищемъ, наоборотъ, свѣта, который могъ бы озарить, осмыслить для насъ подлинныя моральныя идеалы, который уяснилъ бы намъ, съ той послѣдней, непререкаемой внутренней убѣдительностью, которая здѣсь нужна душѣ, путь, по которому мы должны идти: но этого свѣта мы не ощущаемъ въ мнимо - самодовлѣющемъ авторитетѣ самого моральнаго законодательства.

Есть еще одна сторона дѣла, которая выдвигаетъ передъ нами имманентную ложь, внутреннюю неправду въ обычной структурѣ моральнаго нормирования жизни. Всякій моральный принципъ или идеалъ, въ чемъ бы онъ ни выразался, если только онъ выраженъ отвлеченно - рационально, включаетъ въ себѣ возведеніе нѣкаго частнаго содержанія жизни или интереса въ достоинство верховнаго владыки и распорядителя тѣмъ безконечнымъ цѣлымъ, которое дано въ живой человѣческой жизни. Объявляется ли намъ наша обязанность служить народу, или государству, или сохранить вѣрность семьѣ, или какая либо иная обязанность, въ качествѣ высшаго

и абсолютнаго долга — всюду безмѣрная полнота нашего духа искусственно ограничивается, втискивается въ узкія, строго очерченныя рамки, беспощадно вталкивается въ нѣкое Прокрустово ложе. Мы хорошо понимаемъ, конечно, необходимость какого-то вообще самоограниченія, духовнаго формированія личности, безъ котораго намъ грозитъ расплыться въ хаосѣ, потерять руководящую нить въ жизни; но мы ищемъ этого формированія извнутри, изъ цѣльной природы нашего духа, изъ глубины нашего личнаго, неповторимо-своеобразнаго призванія. Втискиваніе же нашей личности въ какую-то частную, заранѣе, безъ вниманія къ ея своеобразію, заготовленную форму мы неизбѣжно ощущаемъ, какъ насиліе и калѣченіе, которому мы не хотимъ подчиниться — болѣе того, которому мы не можемъ подчиниться, даже если бы того хотѣли. Ибо мы сознаемъ нашъ духъ, во всей его полнотѣ и цѣльности, какъ нѣчто абсолютно-цѣнное, что мы и не вправѣ отдавать въ рабство, и чѣмъ мы и фактически не можемъ распоряжаться, потому что его исконно-самобытное существо сильнѣе всѣхъ нашихъ сознательныхъ умысловъ. И даже въ самыхъ стихійныхъ, отчасти даже въ порочныхъ влеченіяхъ нашихъ мы ощущаемъ, быть можетъ, низшія, требующія очищенія и просвѣтленія, но все же подлинныя обнаруженія этой преобладающей нашъ разумъ внутренней самобытности нашего существа.

Поэтому роковымъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ отвлеченно-моральнаго нормированія жизни является моральное лицемеріе. Жизнь распадается на двѣ части — оффиціальную, и подлинную, интимную. Въ первой всѣ мы — благопристойные, «порядочные» люди, внутренне спокойные, по свободному убѣжденію подчиняющіеся всѣмъ «принципамъ» и нормамъ морали, а нѣкоторые изъ насъ даже заслуживаютъ репутацію

«свѣтлыхъ личностей», «глубоко - идейныхъ» и «принципальныхъ людей». Но какъ мало внутренняго свѣта, тишины, умиротворенности, какъ много бунта, мукъ, тьмы и порочности въ глубинѣ души даже самыхъ «свѣтлыхъ личностей»! Моральное нормированіе не только не достигаетъ своей подлинной цѣли, но обычно достигаетъ именно прямо противоположной цѣли. Ибо относительная легкость внѣшняго, видимаго подчиненія моральнымъ нормамъ, и та репутація, которую мы этимъ заслуживаемъ, легко ведетъ къ моральному самодовольству, къ фарисейскому самолюбованію; личность пріучается скрывать отъ самой себя — а не только отъ другихъ — тьму, смутность и слабость своего подлиннаго существа, свою истинную духовную нужду, и смотрѣть на себя со стороны, какъ на общепризнаннаго носителя моральныхъ идеаловъ и цѣнностей; и дремлющіе импульсы къ внутреннему моральному совершенствованію, къ духовному очищенію и оформленію, къ отысканію прочной духовной почвы постепенно замираютъ. Оффиціальное служеніе высокимъ принципамъ, вѣра въ нихъ, а потому и въ самого себя, какъ ихъ провозвѣстника и служителя, дѣйствуетъ на слабыя человѣческія души такъ же развращающе, какъ высокій чинъ, власть, богатство; человѣкъ отъ нихъ духовно слѣпнетъ. Большинство изъ насъ играетъ въ жизни, въ той или иной ея области, какую-то «роль», и старается только хорошо сыграть ее и заслужить одобреніе зрителей; мы такъ вживаемся въ эту роль, что продолжаемъ играть ее и безъ зрителей, для себя самихъ, можетъ быть даже умираемъ съ заученными словами на устахъ. И лишь въ рѣдкія минуты мы, по большей части смутно, ощущаемъ неправду этой роли; и лишь немногіе вполне мужественные и правдивые люди не боятся признаться самимъ себѣ, что они

такъ же мало походятъ на изображаемыя ими роли, какъ мало актеръ имѣетъ внутренняго подобія съ изображаемымъ имъ на сценѣ Юліемъ Цезаремъ или маркизомъ Позой.

Можно искалѣчить человѣческій духъ, можно внѣшне властвовать надъ нимъ; но внутренне поработить его нельзя, даже если его носитель сознательно согласится на это. И потому моральные принципы и отвлеченные моральные идеалы не нормируютъ духовной жизни; они нормируютъ только ея внѣшнія проявленія, по большей части цѣною внутренняго моральнаго ея искаженія, загрязненія, заключенія ея въ душную и отравляющую здоровье подземную тюрьму. Кто разъ отдалъ себѣ въ этомъ отчетъ — а какіе то, намъ самимъ непопятные, духовные токи современности, наводятъ насъ на это, какъ будто вынуждаютъ насъ раскрыть глаза и смѣло видѣть правду — тотъ уже не можетъ больше поклоняться кумиру «идей» и «нравственнаго идеализма».

И наконецъ — послѣднее. Въ умонастроеніи, подчиненномъ «моральному идеализму», служенію «идеямъ» и «принципамъ», дѣйствуетъ роковая діалектика, въ силу которой все, что представляется очевиднымъ добромъ въ нравственномъ намѣреніи и устремленіи, становится зломъ въ своемъ реальномъ осуществленіи. Нравственный идеалъ, спускаясь со своихъ туманныхъ отвлеченныхъ высотъ на землю, вѣдряясь въ жизнь и реально дѣйствуя въ сложныхъ, всегда несовершенныхъ и противорѣчивыхъ условіяхъ человѣческаго быта и конкретной человѣческой природы, обнаруживаетъ себя неожиданно, не какъ просвѣтляющую, возвышающую, облагораживающую жизнь силу, а именно какъ силу разрушающую и угнетающую. Мы уже отмѣтили это въ размышленіи о кумирѣ революціи и кумирѣ политическаго идеала.

Здѣсь мы можемъ это распространить на всякій вообще «идеаль», т. е. на всякій выраженный въ какой либо отвлеченной формулѣ образецъ, которому должна быть подчинена жизнь и согласно которому она должна быть передѣлана. Нравственный идеализмъ всегда воплнѣ правъ въ своемъ бичеваніи пороковъ и несовершенствъ существующаго; и онъ привлекаетъ къ себѣ сердца своимъ мученичествомъ во имя высшихъ началъ, своею преданностью мечтѣ о добрѣ, подлежащемъ осуществленію. Но когда его провозвѣстники изъ роли мечтателей, обличителей и борцовъ за правду переходятъ въ роль осуществителей этой правды, въ реальныхъ распорядителей и властителей жизни, они возбуждаютъ ненависть своей тиранніей, невниманіемъ къ конкретно - сложнымъ нуждамъ жизни, къ многообразію человѣческихъ потребностей и слабости человѣческой природы. Чѣмъ пламеннѣе ихъ вѣра въ опредѣленный идеаль, чѣмъ болѣе пезыблемъ авторитетъ этаго идеала, тѣмъ болѣе слѣпо и жестоко они калѣчатъ и разрушаютъ жизнь. Ибо ненависть къ злу превращается въ ненависть ко всей живой жизни, которую не удастся втиснуть въ рамки «идеала». Тогда-то обычно обнаруживается, что, какъ ни несовершенна реальная жизнь, стихійно слагающаяся изъ несовершенныхъ, слабыхъ, порочныхъ человѣческихъ стремленій, она имѣетъ уже то огромное, безмѣрное преимущество передъ всякимъ отвлеченнымъ идеаломъ жизни, что она какъ-то ужъ фактически сложилась, органически выросла, приспособилась къ реальной человѣческой природѣ и ее выражаетъ, идеаль же есть только то, что должно быть, что предписано къ осуществленію, но что не имѣетъ реальныхъ корней въ самой жизни и ради чего реальная жизнь разрушается и калѣчится. Чтобы вернуться къ первой, исходной точкѣ нашихъ размышле-

ній, къ самому сильному внѣшнему впечатлѣнію, подъ вліяніемъ котораго совершается нашъ нынѣшній моральный кризисъ: въ чемъ, собственно, лежитъ послѣдній источникъ столь потрясающе - явно обнаружившагося зла социализма? Въ томъ, конечно, что социализмъ есть крайняя степень морально - общественнаго рационализма, мечта о подчиненіи всей жизни безъ изъятія, включая сюда даже всю сферу тѣлесныхъ нуждъ человѣка и ихъ хозяйственнаго удовлетворенія, строгимъ общимъ, отвлеченно - выраженнымъ, единообразнымъ принципамъ моральной справедливости. Социализмъ, вѣдь, отрицательно совершенно правъ: человѣкъ, даже если онъ никого сознательно не обижаетъ, никому не причиняетъ умышленнаго вреда, — даже если онъ только предается мирной обработкѣ своего участка земли или труду въ своей мастерской и столь же мирно обмѣниваетъ потомъ произведенное на иные, нужные ему предметы, повиненъ въ существующемъ злѣ и неправдѣ, отвѣтственъ за нищету и голодъ своихъ ближнихъ; онъ повиненъ уже потому, что думаетъ только о своихъ нуждахъ, а не о нуждѣ ближняго и объ объективной справедливости; и конечно, стихійное столкновение слѣпыхъ эгоистическихъ вождельній далеко не всегда и не во всемъ обезпечиваетъ — какъ это думали либеральные оптимисты — осуществленіе социальной гармоніи и общаго счастья. Но когда социализмъ поэтому предписываетъ человѣку подчинить свою хозяйственную жизнь строгимъ принципамъ социальной справедливости, радѣть не о себѣ, а объ общемъ благѣ, когда онъ пытается оковать жизнь этими суровыми принципами справедливости, грѣшное человѣческое существо, понуждаемое быть подвижникомъ идеи, превращается въ звѣря, вообще неспособнаго къ труду, а способнаго лишь къ хищническому

истребленію всякой жизни. И тогда уясняется, что, какъ ни вѣрна сама по себѣ моральная идея, она ложна и гибельна уже тѣмъ, что есть только идея, только отвлеченный «постулатъ», а не живая творческая сила и что поэтому, при столкновеніи ея съ жизнью, она не обогащаетъ ее, а обѣдняетъ и разрушаетъ.

Но такова же судьба всякой вообще идеи, всякаго отвлеченнаго идеализма; разница можетъ быть лишь въ степени ихъ губительности, но не въ самомъ характерѣ ихъ вредоносности; и степень эта опредѣляется степенью логической оформленности, отвлеченной точности и потому узости нравственнаго идеала, можно сказать — степенью идеалистичности идеала, его удаленности отъ жизни, его принципиальности и потому антиреалистичности. И въ этомъ смыслѣ можно сказать, что есть только одинъ идеаль, который еще хуже матеріалистическаго социализма: это — послѣдовательно «идеалистическій» социализмъ, теократическая мечта насажденія на землѣ, съ помощью отвлеченныхъ принциповъ морали, совершеннаго общества святыхъ, — идеаль всякихъ толстовцевъ и имъ подобныхъ сектантовъ. Ибо такое общество, если бы оно могло быть осуществлено, было бы осуществленіемъ законченнаго зла, порождаемаго ханжествомъ, изувѣрствомъ, лицемеріемъ, жестокостью и нравственной тупостью.

Такова роковая судьба идеализма. Его святые и подвижники неизбежно становятся фарисеями, его герои становятся извергами, насильниками и палачами. Нѣтъ, пусть мы, нынѣшніе люди, безнадежно слабы, грѣшны, бредемъ безъ пути и цѣли — нравственнымъ «идеализмомъ», служеніемъ отвлеченной «идеѣ» насъ больше соблазнить невозможно.

5. Духовная пустота и встрѣча съ живымъ Богомъ.

Духовной жаждою томимъ
Въ пустынь знойной я влачился.

Пушкинъ.

Что же изъ всего этого слѣдуетъ? Или, вѣрнѣе — такъ какъ мы не занимаемся здѣсь разсужденіями и теоріями — къ чему мы собственно пришли? Что у насъ осталось, и чѣмъ намъ жить?

Всѣ кумиры, которымъ мы прежде восторженно служили, и служеніе которымъ осмысливало нашу жизнь, потеряли свое обаяніе, не могутъ привлечь нашей души, сколько бы людей кругомъ насъ ни отдавало бы еще имъ своихъ силъ. У насъ осталась лишь жажда жизни, — жизни полной, живой и глубокой, какія то послѣднія, глубочайшія требованія и желанія нашего духа, о которыхъ мы не только не знаемъ, какъ ихъ удовлетворить, но не знаемъ даже, какъ ихъ выразить.

Ибо отрицательный результатъ нашего обзора духовныхъ скитаній насъ никакъ не можетъ удовлетворить. Была эпоха въ нашемъ духовномъ прошломъ, когда этотъ отрицательный результатъ многимъ изъ насъ казался великимъ положительнымъ откровеніемъ. Это — быть можетъ, послѣдній, самый несовершенный

и нежизненный кумиръ, съ которымъ встрѣчается душа на этихъ путяхъ. Это — призракъ полной, совершенной личной свободы. Мы уже встрѣтились съ нимъ и указали, что, по сравненію съ тиранніей моральныхъ нормъ, онъ соблазняетъ насъ намекомъ на какую-то жизненную правду. Но этотъ соблазнъ кратокъ и слишкомъ легко изобличается, какъ ложь; лишь самыя наивныя, неопытныя души могутъ на время ему поддаться. Ничего не искать, ничему не служить, наслаждаться жизнью, брать отъ нея все, что она можетъ дать, удовлетворять всякое желаніе, всякую страсть, быть сильнымъ и дерзкимъ, властвовать надъ жизнью — это кажется иногда заманчивымъ; и, какъ указано, была краткая эпоха — ее можно назвать эпохой Ницше — когда многимъ это казалось высшей жизненной мудростью.

Намъ нѣтъ надобности какими либо отвлеченными аргументами опровергать эту мнимую мудрость. Я думаю, о большинствѣ изъ насъ можно сказать, что мы теперь уже не тѣ, и соблазнъ этотъ на насъ не дѣйствуетъ. Свобода отъ всего на свѣтѣ — къ чему она намъ, если мы не знаемъ, для чего мы свободны? Много ли дастъ она намъ, такъ ли уже велики всѣ наслажденія и упоенія, которыя даетъ простая разнузданность стихійныхъ желаній? Мы душевно состарились, и скептически смотримъ не на одни лишь «идеалы», но и на всѣ, такъ называемыя «блага жизни». Мы хорошо знаемъ, что всякій мигъ счастья съ избыткомъ искупается страданіями или тоской пресыщенія; мы знаемъ, что горя въ жизни безмѣрно больше, чѣмъ счастья и радостей, мы извѣдали нищету, мы ясно видимъ неизбежный конецъ всякой жизни — смерть, передъ лицомъ которой все становится одинаково призрачнымъ. Словомъ, мы имѣемъ слишкомъ живое ощущеніе безсмысленности

ж и з н и , чтобы увлечься самимъ голымъ процессомъ жизни. И слово «свобода» въ этомъ смыслѣ кажется намъ даже оскорбительно - неумѣстнымъ. Свободенъ ли тотъ, кто безъ смысла и цѣли шатается изъ стороны въ сторону, блуждая безъ пути, подгоняемый лишь возжелѣніями текущей минуты, бессмысленность которыхъ онъ хорошо сознаетъ? Свободенъ ли тотъ, кто не знаетъ, куда дѣваться отъ духовнаго бездѣлья и духовной нищеты? Передъ лицомъ такихъ «соблазновъ» невольно съ горечью вспоминается старая глупая, но символически многозначительная острота: «Извозчикъ, свободенъ?» «Свободенъ». «Ну, такъ кричи: да здравствуетъ свобода!».

Радостное увлеченіе жизнью, преступающее обычныя грани и обычный порядокъ, подлинное — всегда временное — упоеніе разгуломъ страстей, проистекающее не отъ отчаянія, а отъ избытка силъ, возможно, повидимому, только тогда, когда въ глубинѣ души жива вѣра въ какую-то послѣднюю прочность и ненарушимость жизни. Подобно тому, какъ ребенокъ буянить и безчинствуетъ, исходя при этомъ все же изъ ощущенія незыблемой твердости родительской власти, спокойнаго уюта родного дома, и становится недѣтски серьезнымъ и тихимъ въ чужой обстановкѣ, когда душа его полна тревоги и неясности, — такъ и всѣ мы, испытывая шатаніе духовной почвы подъ ногами, потеряли способность къ дѣтской беззаботности, къ дерзновенію буйнаго веселья — къ тому, что нѣмцы называютъ непереводаемымъ прекраснымъ словомъ «Uebermut». Чтобы насладиться радостнымъ опьяненіемъ, надо имѣть родной домъ и быть увѣреннымъ, что въ немъ можно мирно протрезвиться. Иначе возможенъ только разгулъ отчаянія, то горькое, тяжкое пьянство, которому предается Мармеладовъ, потому что ему «некуда пойти».

То, чего мы ищемъ и по чему тоскуемъ, есть не свобода, а прочность и устойчивость, не хаотическое блужданіе по безконечнымъ далямъ, а покой въ родномъ домѣ. Насъ носятъ въ стороны бурныя волны жизни, и мы мечтаемъ ступить ногой на незыблемо - твердый берегъ. Или, еще вѣрнѣе, мы висимъ въ воздухѣ надъ бездною, ибо утратили внутреннюю связь нашего духа, нашей личности съ бытіемъ, и мы хотимъ возстановить эту связь, опереться на твердую духовную почву. Мы страдаемъ не отъ избытка, а отъ недостатка духовной силы. Мы изнемогаемъ въ пустынѣ, душа наша ищетъ не безсмысленнаго простора отрѣшенности отъ всего, а, напротивъ, тѣснаго, послѣдняго : сліянія съ чѣмъ - то невѣдомымъ, что можетъ разъ навсегда заполнить, укрѣпить, насытить ее.

Наша душа обнищала и изголодалась. Потеря вѣры — не легкое дѣло, низверженіе кумировъ, которымъ мы и наши отцы поклонялись такъ долго и страстно — не дѣтская забава. Вѣроятно, такъ же жутко, пустынно и тоскливо было нашимъ предкамъ, древнимъ славянамъ, когда низвергался въ Днѣпръ Перунъ вмѣстѣ съ остальными идолами, и они не знали, кому теперь надо служить и у кого просить помощи въ бѣдахъ. Ибо отреченіе отъ кумировъ не есть наглое предательство, не есть отказъ отъ вѣры и впаденіе въ буйство нечестія: оно есть признакъ смѣны вѣръ, и если новая вѣра еще не найдена, то паденіе старой само уже есть признакъ страстнаго ея искашя, мучительнаго томленія по ней.

Благо тому, кто въ этой тоскѣ, въ этихъ мученіяхъ духовнаго голода и жажды имѣетъ близкую, родную душу — все равно, друга, мать или жену, — передъ которой онъ можетъ излить свое томленіе или съ которой онъ можетъ по крайней мѣрѣ хоть

передохнуть отъ него — ибо часто мы не только самому близкому человѣку, но даже себѣ самимъ не можемъ высказать до конца то, что насъ мучить. И горе одинокому!

Одно родное существо есть, впрочемъ, у насъ всѣхъ: это — родина. Чѣмъ болѣе мы несчастны, чѣмъ болѣе пусты наши души, тѣмъ острѣе, болѣзненнѣе мы любимъ ее и тоскуемъ по ней. Тутъ мы, по крайнѣй мѣрѣ, ясно чувствуемъ: родина — не «кумиръ», и любовь къ ней есть не влеченіе къ призраку; родина — живое, реальное существо. Мы любимъ ее вѣдь не въ силу «принципа патріотизма», мы не поклоняемся ни ея славѣ, ни ея могуществу, ни какимъ либо отвлеченнымъ признакамъ и началамъ ея бытія. Мы любимъ ее самое, нашу родную, древнюю, исконную мать; она сама теперь несчастна, обезчещена, больна тяжкимъ недугомъ. лишена всякаго величія, всякихъ примѣтныхъ, безспорныхъ для посторонняго, достоинствъ и добродѣтелей; она и духовно больна вмѣстѣ со всѣми нами, ея дѣтьми. Мы можемъ любить ее теперь только той «странной любовью», въ которой признавался великій, столь духовно близкій намъ, тоскующій русскій поэтъ, «гонимый миромъ странникъ съ русскою душой». Эта «странная любовь» есть для насъ теперь единственная подлинная, простая любовь — та всепрощающая любовь, для которой «не по хорошу миль, а по милу хорошъ». Въ пылу политическихъ страстей — тѣхъ, теперь уже для большинства изъ насъ мнимыхъ, показныхъ страстей, которыя мы сами раздуваемъ въ себѣ, чтобы заглушить ими духовную пустоту, и о которыхъ тотъ же поэтъ почти сто лѣтъ тому назадъ такъ горько сказалъ: «и царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный, когда огонь горитъ въ крови» — въ этомъ туманящемъ чаду мы часто забываемъ нашу

подлинную любовь и невольно отрекаемся отъ несчастной матери — единственного сокровища, оставшагося у насъ на землѣ. Мы выставляемъ на показъ ея позоръ, мы злорадно усмѣхаемся ея страданіямъ, мы стараемся даже преувеличить и ея скорби, и глубину ея нравственнаго паденія, потому что не можемъ примириться съ тѣмъ ложнымъ путемъ, по которому она пошла. Мы взваливаемъ на другихъ и на нее самое ту отвѣтственность за ея грѣхи и несчастія, которая лежитъ одинаково на насъ всѣхъ, ея дѣтяхъ, мы часто готовы отождествить ее, столь дорогую и родную намъ душу, которая — мы знаемъ это, — непреходяща, съ безчинствомъ и мерзостью ея порочныхъ дѣтей насильниковъ, теперь издѣвающихся надъ пей. Но все это происходитъ въ поверхностномъ, показномъ слоѣ нашей души. Подлинное наше отношеніе обнаруживается не на словахъ, не въ сознательныхъ разсужденіяхъ и оцѣнкахъ, а въ той тоскѣ, въ тѣхъ слезахъ умиленія, съ которыми мы думаемъ о родныхъ поляхъ и лѣсахъ, о родныхъ обычаяхъ, и внимаемъ звукамъ родной пѣсни. Тогда мы знаемъ, что милѣе, прекраснѣе родины нѣтъ страны на свѣтѣ.

Какому хочешь чародѣю
Отдай разбойную красу —
Пускай заманить и обманетъ,
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманить
Твои прекрасныя черты.

Да, мы знаемъ:

... ты все та же — лѣсъ, да поле,
Да платъ узорный до бровей.

Если бы только мы могли помочь нашей родинѣ воскреснуть, обновиться, явиться міру во всей ея кра-

сотѣ и духовной силѣ, — мы, кажется, нашли бы исходъ для своей тоски, хотя бы для этого нужно было отдать свою жизнь!

Но тутъ именно мы и ощущаемъ безысходность нашего положенія, безнадежность нашей мечты. И всѣмъ не потому, что «большевики еще держатся», что мы не знаемъ средствъ для ихъ сверженія, и что не предвидится конца ихъ владычеству. Кто еще вѣритъ, что спасеніе родины заключено въ простомъ «сверженіи большевиковъ», что «большевики» — это какое-то наносное, случайное зло, которое достаточно внѣшне устранить, чтобы воцарилась на Руси правда и счастье, — кто еще живетъ вѣрой въ этотъ политическій кумиръ, еще опьяненъ революціоннымъ дурманомъ съ обратнымъ содержаніемъ — тотъ не знаетъ нашей тоски, и не для того пишутся эти строки. Но мы то, къ несчастію, хорошо знаемъ, что нельзя помочь никому, въ томъ числѣ и родинѣ, если самъ — беспомощенъ, что нищій не можетъ никого обогатить, и больной не можетъ стать ничѣмъ цѣлителемъ. Мы знаемъ, что мы сами больны одной и той же болѣзью съ нашей родиной, какъ бы ни были различны симптомы этой болѣзни, и что мы исцѣлимся только вмѣстѣ — если исцѣлимся! Мы направимъ ее на новый, вѣрный путь не ранѣе, чѣмъ найдемъ его для себя самихъ. И потому, какъ не спасаетъ насъ любовь къ близкимъ людямъ, которая лишь смягчаетъ, но не утоляетъ нашу духовную тоску, такъ не спасаетъ насъ и самая искренняя, самая пламенная и беззавѣтная любовь къ родинѣ. Сама вѣра въ нее, безъ которой немислима и любовь, коренится — мы ясно это чувствуемъ — въ какой то иной, болѣе глубокой и всеобъемлющей вѣрѣ, въ которой мы должны еще укрѣпиться, которую мы должны съ непререкаемой и незыблемой очевидностью обрѣсти въ своей душѣ,

но которой у насъ доселѣ нѣтъ. Хотя любовь сама по себѣ не пуждается ни въ какомъ обоснованіи, но безъ этой вѣры она все же лишена какой-то послѣдней прочности, какого то глубочайшаго оправданія. Мало ли было народовъ, которые погибали отъ внѣшнихъ ли несчастій, или отъ духовнаго разложенія? Чѣмъ же мы, русскіе, лучше другихъ, и отчего въ этомъ міровомъ землетрясеніи не можемъ исчезнуть и мы? Можетъ быть, Россія — такой же миражъ, какъ все остальное, насъ окружающее? Въ нашей духовной пустотѣ мы не можемъ найти убѣдительнаго опроверженія этой кошмарной фантазіи.

Нѣтъ, — мы чувствуемъ это — безъ вѣры въ что-то первичное, основное, незыблемое, безъ послѣдней, глубочайшей твердыни, на которую могъ бы опереться нашъ духъ, никакія земныя влеченія и увлеченія, никакая любовь и привязанность не могутъ спасти насъ.

.
.
.

На этихъ путяхъ, въ этомъ безнадежномъ и безвыходномъ блужданіи души по необъятной, безкрайной пустынѣ, когда тоска и духовная жажда доходятъ до предѣльной остроты и становятся какъ будто невыносимыми — происходитъ встрѣча души съ живымъ Богомъ.

Неизъяснима эта встрѣча, и у каждаго происходитъ по своему. Она либо неожиданно потрясаетъ душу, либо подготавливается въ ней медленнымъ процессомъ просвѣтленія. Ее нельзя никакимъ образомъ «общеобязательно» обосновать для того, кто самъ ее еще не испыталъ, чья душа къ ней не подготовлена, ее самое нельзя даже описать. Но какъ то расска-

затѣ о томъ, что есть въ ней общаго для всѣхъ людей, о тѣхъ силахъ души, которыя толкаютъ къ ней, и, главное, о ея великихъ послѣдствіяхъ для судьбы души — это все таки возможно.

Легче всего, быть можетъ, отдать себѣ отчетъ, какъ и почему происходитъ эта встрѣча, если попытаться уяснить себѣ, чего мы, собственно, ищемъ, въ чемъ мы нуждаемся, и отчего тоскуемъ.

Мы ощущаемъ въ себѣ какіе-то неистребимые, могущественные духовные порывы, которые остаются безъ удовлетворенія. Въ чемъ они, собственно, состоятъ? Что намъ нужно?

Не слѣдуетъ говорить, что мы ищемъ «святѣни», которой мы могли бы поклониться, подлинныхъ «идеаловъ», которымъ мы могли бы служить. Эти возвышенные слова звучатъ для насъ холодно и неубѣдительно, и послѣ всего нашего опыта мы относимся къ нимъ подозрительно. Въ нихъ для насъ, въ нашемъ нынѣшнемъ состояніи, есть что-то неподлинное, какая-то рѣжущая ухо фальшь: они напоминаютъ намъ того пустомелю изъ персонажей Островскаго, который любилъ повторять: «все высокое и все прекрасное, Анфиса Павловна...».

То, чего мы ищемъ, есть, напротивъ, нѣчто очень реальное и простое, — если хотите, даже нѣчто очень грубое и неидеальное — но за то подлинное. Мы ищемъ настоящей жизни, жизненной полноты и прочности. Намъ неясно, должны ли мы вообще кому-то или чему-то служить, и мы во всякомъ случаѣ не знаемъ, чему мы должны служить. Но что жить мы хотимъ и должны — это мы достаточно хорошо понимаемъ, и этого доказывать не приходится. А между тѣмъ, мы не живемъ; источники жизни изсякаютъ, запасы питанія, которыми мы доселѣ поддерживали жизнь, кончились или кончаются, мы едва спа-

саемся отъ смерти голоданіемъ сухихъ корокъ, оставшихся намъ отъ прошлаго. Мы погибаемъ. И потому мы ищемъ не «служенія», не «идеаловъ», не морали — мы ищемъ просто спасенія, личнаго спасенія. Пусть моралисты усмотрятъ въ этомъ одинъ лишь эгоизмъ, пусть они проповѣдуютъ намъ, что угодно; мы знаемъ, что эта глубочайшая жажда самосохраненія не нуждается ни въ какомъ оправданіи, ибо она имѣетъ для насъ самоочевидность послѣдней, рѣшающей инстанціи. Мы знаемъ, что утопающій имѣетъ право требовать помощи, и что нельзя, при видѣ его, начать разсуждать о служеніи идеаламъ, а нужно просто вытащить его изъ воды.

Мы утопаемъ потому, что почва, на которой мы пытались стоять, оказалась зыбкимъ, засасывающимъ болотомъ, а мы ищемъ твердой земли подъ ногами. Мы не можемъ опереться ни на какіе «идеалы», потому что они оказались призраками; вмѣсто того, чтобы поддерживать нашъ духъ, они берутъ его въ плѣнъ, требуютъ отъ насъ самоубіенія, умаленія и извращенія нашей жизни во имя ихъ. И мы не можемъ опереться на самихъ себя, на одну лишь жажду жизни или на внутреннюю силу жизни въ насъ, ибо это именно и значить висѣть въ воздухѣ. Нѣтъ, намъ нужна подлинная почва, — духовная реальность, которая была бы чѣмъ то инымъ, чѣмъ наше собственное «я» и именно потому и могла бы его поддерживать, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ-то ему глубоко родственнымъ, близкимъ, тождественнымъ по содержанію, что поэтому ничего не отнимало бы отъ него, не было бы ему враждебно, а лишь все давало бы и во всемъ помогало. Намъ нужно прильнуть, навсегда приникнуть къ чьей то дружеской груди, держаться за чью-то могучую и благодѣтельную руку. Насъ можетъ спасти не «идеаль», не какой либо моральный

судъ, и не слова и разсужденія. Насъ можетъ спасти только любовь, — но любовь такого существа и къ такому существу, которое не было бы такъ же слабо, беспомощно и бѣдно, какъ мы сами, которое само уже прочно стояло бы на своихъ ногахъ и было бы достаточно богато, чтобы поить и кормить нашъ духъ. Мы — безсильныя, затерявшіяся въ чуждой средѣ дѣти, и ищемъ отца или матери. Нашъ духъ оторвался отъ своихъ корней и теперь увядаетъ; и онъ судорожно ищетъ вновь связаться съ этими корнями, и глубоко — глубоко зарыться ими въ исконное материнское лоно родной духовной почвы, чтобы снова разцвѣсти и начать приносить плоды. Чтобы не ощущать смертельной пустоты въ глубинѣ, такъ сказать, въ послѣднемъ концѣ нашего духа, надо, чтобы онъ и не имѣлъ этого конца, надо, чтобы онъ былъ непосредственно связанъ съ безконечнымъ духомъ. Чтобы жизнь наша не изсякала, надо, чтобы она изнутри питалась вѣчнымъ источникомъ жизни.

Надо только до конца понять смыслъ и предметъ своихъ исканій, чтобы найти то, что ищешь. И тутъ съ нами легко происходитъ то, что съ благодушной ирсней рассказываетъ о себѣ современный англійскій писатель Честертонъ: «я всю жизнь искалъ истины, и думалъ, что ее никто не знаетъ, и старался быть хоть на нѣсколько лѣтъ впереди своего вѣка; но въ одинъ прекрасный день я понялъ, что я отсталъ отъ истины ровно на девятнадцать вѣковъ.»

Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, уже девятнадцать вѣковъ тому назадъ истина была возвѣщена міру, — болѣе того, явлена міру сама Живая Истина, и людямъ было открыто именно то самое, чего мы теперь такъ мучительно и какъ будто безнадежно ищемъ. Мы устали отъ всѣхъ разсужденій и идей, извѣрились въ нихъ и духовно обнищали. А Христосъ сказалъ: «блаженны

нищіе духомъ, ибо ихъ есть Царство Небесное». Мы ищемъ не моральнаго суда, а просто спасенія отъ духовной гибели. А Онъ сказалъ: «Я пришелъ не судить, а спасти мѣръ». Мы жаждемъ любви, которая могла бы насъ поддержать, и Онъ возвѣстилъ, что Богъ есть любовь, что у насъ есть Отецъ — вѣчный и всемогущій Отецъ, который любитъ своихъ дѣтей и ни въ чемъ не откажетъ просящему. Мы ищемъ истины, которая могла бы насъ духовно озарить, подлиннаго пути въ жизни, который не уничтожалъ бы нашей жизни а былъ бы выраженіемъ истинной, глубочайшей силы жизни, таящейся въ насъ и томительно не находящей себѣ исхода. А Онъ сказалъ: «Я есмь путь, истина и жизнь» — и въ этихъ трехъ словахъ выразилъ, даль намъ то невыразимое, подлинное, послѣднее, къ чему мы стремимся. Мы устали, утомились и тяжестью, и пустою жизнью, и Онъ отвѣчаетъ намъ: «прійдите ко Мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ». Мы ищемъ служенія, которое не убивало бы намъ душу, а давало бы намъ радость и покой, и Онъ даетъ намъ «иго благое и легкое бремя».

Изумительно, какъ эти знакомыя, старыя слова, которыя мы привыкли съ дѣтства слышать и которыя именно потому звучатъ для насъ обычно безъ особаго смысла — какъ эти слова точно, просто и не по человѣчески выразительно отвѣчаютъ нашей нуждѣ, содержать именно то, о чемъ мы взываемъ и что мы сами часто не въ силахъ выразить не только другимъ, но и самимъ себѣ. Кто разъ это ощутилъ съ послѣдней ясностью, съ силой, соответствующей значительности содержанія, кто воспринялъ это такъ, какъ въ безысходной бѣдѣ, когда мы считаемъ себя уже погибшими, мы воспринимаемъ голосъ друга, ободряющій насъ и возвѣщающій намъ спасеніе, — кто впиталъ

въ себя этотъ образъ Бога, до конца вѣдающаго всю человѣческую нужду, Бога, который самъ принялъ на себя всѣ грѣхи и страданія міра, — того не смутятъ уже никакія сомнѣнія, тому просто не интересны отвлеченныя, духовно слѣпыя философскія разсужденія о религіи, или историческія догадки объ «истинной» личности Христа или о происхожденіи вѣры въ Него. Если бы нашелся человѣкъ, который съ полной, послѣдней ясностью раскрылъ бы намъ нашу собственную душу, — ни о чемъ насъ не спрашивая, объяснилъ бы намъ все, что и намъ самимъ непонятно въ ней, и нашелъ бы слова утѣшенія и исцѣленія, дающія намъ какъ разъ то, что намъ нужно — мы знали бы съ совершенной очевидностью, что у насъ есть истинный, безконечно богатый духомъ, другъ и паставникъ. А если бы онъ сдѣлалъ это ни одними словами только, а всей своей жизнью, всѣмъ своимъ существомъ, явивъ міру въ своей личности воплощеніе высшей, абсолютной истины — такъ, что эта истина, разъ выраженная и во всей своей полнотѣ явленная въ живомъ личномъ обликѣ, живетъ въ нашей собственной душѣ, какъ ея вѣчное начало, какъ незыблемая опора и неизсякающій источникъ жизни — мы знали бы навѣрно, что нашъ наставникъ и спаситель есть самъ Вѣчный, божественный Духъ, что Онъ всегда съ нами и при насъ, что Онъ не умираетъ и умереть не можетъ. И мы знаемъ это.

Теперь, когда намъ раскрылось это, мы понимаемъ самый смыслъ нашихъ исканій, нашей тоски. Мы ищемъ спасенія, ищемъ истинной и вѣчной жизни, того послѣдняго, глубочайшаго источника жизни, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть свѣтъ, радость и покой. И — повторяя слова блаженнаго Августина: какъ могли бы мы искать Его, если бы у насъ Его не было? Вѣдь исканіе, не находящее себѣ удовлетворенія ни

въ какихъ благахъ и цѣнностяхъ міра, предполагаетъ смутное видѣніе и чаяніе чего-то иного, совершенной, всеобъемлющей и вѣчной жизни. Но откуда могло бы взяться въ нашемъ духѣ такое исканіе, если бы онъ самъ былъ всецѣло земного, мірскаго происхожденія, если бы за гранью чувственно - вѣдомаго намъ не было бы ничего иного, никакихъ таинственныхъ глубинъ и запредѣльностей? Что же такое — та сила, которая гонитъ насъ отъ одного стремленія къ другому, не позволяя остановиться ни на одномъ, что же заставляетъ насъ отрекаться отъ кумировъ и разоблачать ихъ пустоту и зло, что же бьетъ въ насъ неукротимыми волнами, разрывая всѣ цѣпи и заливая всѣ ограниченныя формы, всѣ берега, которыми земная жизнь стѣсняетъ нашъ духъ? Откуда въ насъ эта сила, откуда эта бессмысленная вѣра въ безграничность и верховную цѣнность нашего духа, если онъ есть только маленькая безпомощная человѣческая душонка, продуктъ наслѣдственности, среды и воспитанія?

Нужно только, какъ говорилъ Платонъ, съумѣть «повернуть глаза души», нужно только внимательно взглянуться въ свою собственную душу и съумѣть ощутить даже только свою собственную тоску и неудовлетворенность, какъ обнаруженіе новой глубочайшей онтологической реальности въ послѣднихъ нѣдрахъ собственнаго духа, чтобы непосредственно убѣдиться, что предметъ нашихъ исканій — не призракъ, а подлинная реальность, и не нѣчто далекое и недостижимое, а нѣчто безконечно-близкое намъ, вѣчно при насъ находящееся: ибо тотъ вѣчный источникъ жизни и свѣта, котораго мы ищемъ — онъ-то самъ и есть та сила, которая гонитъ насъ на поиски его. Объ этихъ смутныхъ, туманныхъ, бессильныхъ поискахъ можно

сказать уже то самое, что великіе мистики знали и высказывали о молитвѣ: что она сама есть благодать, посылаемая Богомъ, что Богъ слышитъ насъ раньше, чѣмъ мы обращаемся къ нему, и Самъ влечетъ насъ звать къ Себѣ. Въ этихъ исканіяхъ обнаруживается, что въ нашей душѣ уже живетъ — смутно и невѣдомо для насъ самихъ — образъ истиннаго Бога, какъ Бога жизни, Бога истины и любви. Мы ощущаемъ пустоту въ глубинѣ души, мы болезненно испытываемъ оторванность нашего духа, какъ бы обнаженность его внутренняго конца — вродѣ того, какъ обнаженный конецъ нерва мучительной болью реагируетъ на всякое внѣшнее прикосновеніе. Но почему это? Потому что мы знаемъ, что нашъ духъ долженъ прочно и тѣсно сидѣть своими корнями глубоко въ духовной почвѣ; мы, значить, знаемъ или предвидимъ, что эта почва, эта безконечная реальность духовной жизни есть. И въ тотъ самый моментъ, какъ мы сознательно уразумѣли, что мы знаемъ это, — въ этотъ самый моментъ и силою самого этого знанія мы уже ощущаемъ реальное соприкосновеніе съ ней, мы уже живемъ въ ней и съ нею.

Теперь мы также ясно понимаемъ, почему всѣ кумиры, которымъ мы раньше поклонялись, должны были пасть, и что означаетъ ихъ паденіе. Мы переживаемъ его такъ мучительно, какъ будто бы оно было опустошеніемъ души, гибелью въ ней всѣхъ жизненныхъ силъ и импульсовъ. Мы видимъ теперь, что на самомъ дѣлѣ оно есть только освобожденіе, очищеніе души отъ призрачныхъ и мертвыхъ подобій жизни — очищеніе, совершенно необходимое для погруженія души въ вѣчный и всеобъемлющій источникъ подлинной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ, невѣдомо для насъ самихъ, осуществляемое уже просочившимися въ нашу душу водами этого источника.

Всѣ наши мечты, направленные на будущее и его самочинно - человеческое созиданіе, всѣ «идеалы» и «нормы», которыя, какъ таковыя, мы сами противопоставляемъ реальности — все это — призраки, тѣни и лживыя подобія бытія, лишенные корней въ Сущемъ, въ истинной жизни. Истинно - сущее есть не мечта, которая изъ ничего зарождается въ уединенной человеческой душѣ и подлежитъ еще осуществленію въ будущемъ; истинно сущее не есть также — нѣсколько перефразируя здѣсь слова Гегеля — одна лишь «идея», которая такъ слаба, что не есть, а только «должна быть». Сущее есть истинное, безконечно полное, вѣчное Бытіе, оно есть живая безконечная жизнь и подлинно-реальная, всемогущая, творческая сила любви. Она творитъ новую жизнь, она совершенствуетъ насъ и весь міръ не отъ убогости, не отъ пустоты небытія, тоскующей по наполненію, а отъ безконечнаго избытка реальности, изливающегося на всѣ слабые зачатки бытія и заставляющаго ихъ разцвѣтать и приносить плоды. И Сущее не есть мертвая схема, формула, претендующая быть жизнью, отвлеченно - препарированная часть живой плоти бытія, хотящая собой исчерпать его и потому роковымъ образомъ рождающая лишь смерть и ненависть, которая истребляетъ все живое. Сущее, будучи истинной жизнью, есть безконечная любовь, исцѣляющая всѣ недуги нашего ограниченнаго бытія, восполняющая всѣ его недостатки, даже воскрешающая мертвыхъ — призывающая и побуждающая все мертвое окунуться въ живую воду и въ ней возродиться, стать живымъ.

Въ концѣ концовъ, погибло только то, что должно было погибнуть, потому что не имѣло никакой жизни въ себѣ, а было лишь мертвымъ и призрачнымъ подобіемъ жизни — манившимъ насъ миражемъ и блуж-

дающимъ огонькомъ. Въ этой гибели отнынѣ для насъ нѣтъ уже ничего страшнаго, она не можетъ навести на насъ унынія. — И вообще уже ничто отнынѣ не можетъ внушить намъ унынія. Черезъ глубины нашего, доселѣ опустошеннаго духа мы наконецъ добрались до твердой, пезыблемой почвы, на которой мы прочно стоимъ отнынѣ обѣими ногами. Черезъ безконечную тьму намъ блеснулъ свѣтъ, который насъ отнынѣ внутренне озаряетъ.

Въ первый моментъ, эта встрѣча съ Богомъ, это нащупаніе почвы подъ ногами и открытіе внутренняго свѣта ничего не мѣняетъ для насъ во всемъ остальномъ, во внѣшнемъ мірѣ, въ нашихъ отношеніяхъ къ людямъ и къ земной жизни. Мы только обрѣли въ душѣ источникъ неизсякаемой радости, чувства прочности и покоя. Мы нашли вѣчнаго Друга и Отца, мы не одиноки и не покинуты болѣе; въ тишинѣ, наединѣ съ собой и Богомъ, мы наслаждаемся радостью любви, по сравненію съ которой уже не существенны, незначительны всѣ неудачи, разочарованія и горести внѣшней жизни.

... среди суеты случайной,
Въ потокѣ мутномъ жизненныхъ тревогъ,
Владѣешь ты всерадостною тайной:
Безсильно зло; мы вѣчны; съ нами Богъ.

Мы внимаемъ обычнымъ людскимъ разговорамъ, интересамъ и страстямъ, обычнымъ нищенскимъ заботамъ человѣческой жизни съ благодушно-иронической улыбкой человѣка, который про себя знаетъ великій секретъ, совершенно измѣняющій жизнь и дающій ей новый смыслъ и направленіе. Мы знаемъ: люди считаютъ себя нищими, они полны тяжкихъ заботъ, угрюмой, истомляющей и ожесточающей борьбы за существованіе, и не вѣдаютъ, что они — владѣльцы

огромнаго наслѣдства, безмѣрнаго богатства, навсегда обезпечивающаго имъ радостную и спокойную жизнь. Но мы - то знаемъ про это сокровище, мы уже набрели на него и потому хорошо понимаемъ, какъ смѣшны и пусты ихъ заботы и волпенія.

Это внутреннее сокровище, этотъ даръ безмѣрной любви первоначально только противостоитъ, какъ внутреннее бытіе и внутреннее достояніе, всей внѣшней жизни и окружающей средѣ. Болѣе того: этотъ внутренній свѣтъ часто бываетъ такъ ослѣпительно яркъ, что передъ нимъ тускнѣетъ все остальное. Все кажется намъ несущественнымъ, неинтереснымъ, незначительнымъ по сравненію съ внутреннимъ нашимъ богатствомъ. Мы, быть можетъ, походимъ на эгоистическихъ влюбленныхъ, которые, ради счастья своей любви, забываютъ все остальное и становятся равнодушными ко всѣмъ людямъ и ко всѣмъ жизненнымъ интересамъ.

Но это — только временное, преходящее нарушение духовнаго равновѣсія отъ слишкомъ большой силы и яркости впечатлѣнія. Событіе, съ нами совершившееся, ведетъ къ дальнѣйшему просвѣтлѣнію и развитію; сила, къ которой мы приобщились, должна обнаружить свою истинную творческую природу. Событіе это есть — внутреннее раскрытіе души, прекращеніе ея замкнутости, ея холоднаго и обезсильивающаго бытія въ самой себѣ. А сила эта есть — сила безкопечной любви, сила истинной жизни. И потому душа должна продолжать дальше раскрываться и постепенно, черезъ свою исконную связь съ Богомъ, ощутить такую же тѣсную, внутреннюю связь со всѣми людьми и всѣмъ міромъ. А живое открытіе вѣчной и безконечной любви, какъ послѣдней основы и существа нашего и всяческаго бытія, должно

вести къ тому же: черезъ Бога мы постепенно научаемся любить все, поскольку оно есть обнаруженіе подлиннаго бытія; сила вѣчной любви, которая сначала лишь возбудила въ насъ любовь къ самой себѣ, должна продолжать рождать въ насъ любовь ко всему и всѣмъ. Въ «Добротолубіи» есть прекрасный образъ аввы Дорофея: подобно тому, какъ точки разныхъ радіусовъ — чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ дальше и другъ отъ друга, и чѣмъ ближе къ центру, тѣмъ ближе и другъ къ другу — такъ и люди постепенно сближаются по мѣрѣ своего общаго приближенія къ абсолютному средоточію бытія и жизни — къ Богу. Вспоминается и другой образъ, поминаемый многими религіозно-просвѣтленными мыслителями: подобно тому, какъ листья дерева отдѣлены и какъ бы обособлены другъ отъ друга, непосредственно не соприкасаясь между собой, но въ дѣйствительности живутъ и зеленѣютъ только силою соковъ, проходящихъ въ нихъ изъ одного общаго ствола и корня, и питаются влагой общей почвы, такъ и люди, будучи во внѣ обособленными, замкнутыми другъ отъ друга существами, внутренне, черезъ общую связь свою съ всеобъемлющимъ Источникомъ жизни, слиты въ дѣлостной единой жизни.

Такъ, вмѣсто всего множества «идеаловъ», принциповъ и нормъ, увлекавшихъ нашу душу на ложные пути, которые заводили въ тупики, и истязавшихъ ее, передъ нами стоятъ всего лишь двѣ заповѣди, достаточныя, чтобы осмыслить, обогатить, укрѣпить и оживить нашу жизнь: безмѣрная, безграничная, любовь къ Богу, какъ источнику любви и жизни, и любовь къ людямъ, вырастающая изъ ощущенія всеединства человѣческой жизни, укорененной въ Богѣ, изъ сознанія братства, обоснованнаго нашимъ общимъ сыновнымъ отношеніемъ къ Отцу. И эти двѣ запо-

вѣди выразимы и были выражены, какъ одна: намъ заповѣдано стремленіе къ совершенству, уподобленіе, въ мѣру возможности, нашему Отцу Небесному, какъ Совершенному источнику любви и жизни. И эти двѣ — или одна — заповѣди не выступаютъ передъ нами извнѣ, съ холоднымъ и непонятнымъ авторитетомъ моральныхъ «нормъ» или предписаній. Мы внутренне понимаемъ ихъ, какъ необходимые пути нашего спасенія, сохраненія нашей жизни. Насъ судятъ, не какъ преступниковъ, надъ которыми произносятся приговоръ равнодушный судья о имя холоднаго, невникающаго въ нашу душевную нужду юридическаго закона. Насъ судить голосъ нашего Отца, любящаго насъ и наставляющаго насъ на путь спасенія; изъ этого внутренняго суда мы просто узнаемъ, на какомъ пути мы идемъ къ жизни, и на какомъ — къ смерти, гдѣ наше спасеніе и гдѣ — гибель.

И отнынѣ многое изъ того, что раньше казалось намъ мертвымъ кумиромъ и дѣйствительно было изобличено нами, какъ кумиръ — въ иной формѣ и съ совсѣмъ инымъ смысломъ начинаетъ воскресать въ нашей душѣ, какъ живая сила и какъ разумный путь и правило жизни. Прежде всего, вся область морали. Мы не понимали, почему мы обязаны ломать и калѣчить свою жизнь въ угоду какихъ-то отвлеченныхъ принциповъ, и нашъ духъ, жаждущій свободы и жизни, протестовалъ противъ этаго угнетенія. И дѣйствительно, мы достаточно убѣдились, что безрелигіозная мораль принциповъ, мораль долга и категорическаго императива есть идолъ, лишь истребляющій, а не совершенствующій жизнь. Но теперь мы открываемъ въ себѣ новый живой источникъ осмысленной и понятной намъ морали. На вопросъ: почему мы обязаны дѣлать то-то и то-то, что намъ не хочется, и должны подавлять въ себѣ естественныя желанія нашей души,

мы внутренно теперь сами себѣ можемъ отвѣтить. Мы можемъ привести примѣръ больного, который ради выздоровленія дѣйствительно долженъ принимать горькія лекарства и обрекать себя на ограниченіе самыхъ сильныхъ желаній своего тѣла; или примѣръ утопающаго, который, чтобы выбраться изъ засасывающей глубины на берегъ и тѣмъ спасти свою жизнь, долженъ напрягать всѣ свои силы, стараться, какъ это ни трудно, держать голову надъ водой и плыть не по теченію, увлекающему его въ бездну, а противъ теченія.

Вся мораль — мы хорошо понимаемъ это — есть не что иное, какъ такая гигиена или техника спасенія, сохраненія своей жизни — самоочевидно-разумныя правила охраны того «сокровища на небесахъ», которое есть единственный источникъ, единственное средство нашего существованія и о которомъ мы, въ нашей природной слѣпотѣ и легкомысліи, такъ часто забываемъ. Эта задача — не потерять сокровища, разъ обрѣтеннаго нами, не быть снова отлученнымъ отъ него, не зарыть дарованнаго таланта въ землю, а растить его и пользоваться его благами — эта задача не всегда легка для насъ: она требуетъ отъ насъ постоянной бдительности, борьбы съ нашими слѣпыми вожделѣніями, мужественной силы воли, часто жестокаго упорства. И все же она — радостное и осмысленное дѣло, усилія котораго тотчасъ же вознаграждаются сторицей, и которое поэтому, при всей его трудности, легко совершать.

При свѣтѣ обрѣтеннаго нами знанія истиннаго бытія, намъ теперь постепенно открывается, или мы по крайнѣй мѣрѣ предугадываемъ, цѣлый новый міръ — сферу духовныхъ основъ жизни; и въ этомъ мірѣ царитъ строгая, неукоснительная законотѣрность, — не менѣе точная, чѣмъ въ мірѣ фи-

зическомъ, хотя и иного порядка. Это есть то, что гениальный христіанскій мыслитель Паскаль называлъ *ordre du coeur* или *logique du coeur* — «порядокъ» или «логика» человѣческаго сердца. Основныя черты этаго порядка предуказаны завѣтами христіанства, они просто открыты въ христіанствѣ, которое есть абсолютная истина человѣческой души; именно въ этомъ смыслѣ надо понимать тонкое изреченіе Тертуліана, что «душа — по природѣ христіанка». Этотъ «порядокъ сердца» не можетъ быть безнаказанно нарушенъ, ибо онъ есть условіе осмысленности, прочности нашей жизни, условіе нашего духовнаго равновѣсія и поэтому самого нашего бытія; его такъ же мало можно нарушить, какъ мало можно безнаказанно нарушать законы тѣлеснаго здоровья, нормальнаго порядка органической жизни, или законы механики и физики. Этотъ духовный строй бытія — достиженіе котораго есть «іудеямъ соблазнъ и эллинамъ безуміе», то есть кажется чѣмъ-то недопустимымъ для тѣхъ, кто вѣдаютъ только внѣшнія нормы и политическіе идеалы жизни, и бессмысленнымъ — тѣмъ, кто знаютъ лишь жизнь природнаго міра — есть для зрячаго абсолютная, строгая истина, обосновывающая всю его жизнь и обеспечивающая ей высшую разумность. Мораль, будучи отвлеченно недоказуема, какъ самодовлѣющее знаніе, сама собой, съ совершенной необходимостью, съ полной предопредѣленностью своей структуры вытекаетъ изъ религіознаго жизнепониманія. Будучи живой, человѣчной моралью любви и спасенія, она вмѣстѣ съ тѣмъ есть строгая мораль аскетики, самоограниченія и самопожертвованія, ибо основной ея законъ именно и гласить, что нельзя спасти своей души, не потерявъ ея, и что нельзя обрѣсти царство небесное иначе, чѣмъ несеніемъ своего креста. Ибо широки врата, и простира-

ненъ путь, ведущіе въ погибель, и тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь. И мы понимаемъ теперь губительную ложь аморализма, который предоставляетъ человѣку свободу — гибнуть, и закармливаетъ больную душу сладостями, когда для выздоровленія ей нужны горькія лѣкарства. Мы понимаемъ даже относительную цѣнность обычной, непросвѣтленной, гетерономной — вопреки Канту — морали; ибо пока человѣкъ не прозрѣлъ, неизбежны нѣкоторыя внѣшнія правила, ограничивающія его произволь и охраняющія его отъ зла, какъ бы неизбежно несовершенны ни были эти средства и какъ бы часто, будучи восприняты, какъ самодовлѣющія высшія начала, они сами ни вырождались въ зло.

И все же эта живая религіозная мораль глубоко отлична по внутреннему своему строю отъ мертвой морали долга и «нравственнаго идеала». Ибо вся она прсникнута живымъ ощущеніемъ присутствія реального источника жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніемъ несовершенства и слабости природнаго существа человѣка; и вся она есть излученіе любви, стремленія къ спасенію. Поэтому въ ней ненависть ко злу никогда не вырождается въ ненависть къ самому существу жизни и къ отдѣльнымъ конкретнымъ людямъ. Религіозный аскетизмъ есть благостный аскетизмъ спасенія, а не изступленно-жестокій аскетизмъ моральнаго фанатизма. Въ этомъ умонастроеніи человѣкъ старается быть безпощадно строгимъ къ самому себѣ, ибо хочетъ дѣйствительно переродиться и боится утратить великое сокровище, которое ему довѣрено; но, ощущая свою собственную грѣховность, онъ не будетъ строго судить другихъ и будетъ стараться быть не ихъ судьей, а ихъ помощникомъ. Ибо онъ живетъ не моралью суда, а моралью спасенія; и онъ хорошо знаетъ, что, съ одной стороны, всѣ люди одинаково не заслу-

живають великихъ благодѣяній, которыя имъ даруетъ Богъ, и, съ другой стороны, одинаково суть дѣти Божіи, которыя не будутъ покинуты своимъ Отцомъ. Для истинно-вѣрующаго немислимо лицемѣріе, роковое дѣленіе жизни на официально-показную и интимно-подлинную нравственную жизнь; вѣдь дѣло идетъ о личномъ спасеніи, объ удовлетвореніи самой глубокой и интимной потребности души; и здѣсь нѣтъ обѣдненія и исушенія души, а есть ея безмѣрное обогащеніе и разцвѣтаніе. Совершенствованіе есть здѣсь великое личное счастье, которое скорѣе склонно стыдливо прятаться отъ людей въ тайникахъ души, чѣмъ нагло навязываться людямъ. И во всемъ этомъ вѣетъ духъ любви, какъ самого существа жизни и спасенія: поэтому здѣсь немислимо холодная, враждебная живой человѣческой душѣ и отчужденная отъ нея строгость внѣшней моральной борьбы, а лишь любовная помощь въ пробужденіи истиннаго свѣта въ душахъ братьевъ. Здѣсь непосредственно очевидно, что паростаніе добра есть не механическій результатъ истребленія зла и тѣмъ менѣе — истребленія злыхъ людей, а плодъ органическаго внутренняго возвращенія самого добра въ себѣ и другихъ. Ибо зло есть небытіе, пустота, выдающая себя за полноту; оно исчезаетъ, лишь вытѣсняемое полнотой, существенностью, глубинной реальностью добра.

И точно также, при этомъ благодатномъ свѣтѣ, для насъ воскресаютъ, съ инымъ смысломъ и содержаніемъ, потерянные идеалы человѣческихъ отношеній и общечеловѣческаго общественнаго устроенія. Мы, конечно, не можемъ уже вернуться къ старымъ идоламъ и еще лучше понимаемъ теперь ихъ ложность: мы не можемъ вѣрить ни въ какой абсолютный порядокъ общественнаго устройства, не можемъ поклониться никакимъ политическимъ формамъ и доктри-

намъ. Мы знаемъ, что царство истинной жизни — не отъ міра сего, и никогда не можетъ быть адекватно и сполна осуществлено въ условіяхъ неизбежно грѣховной и несовершенной земной жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ съ полной ясностью тѣ пути, по которымъ должны итти наши отношенія къ людямъ и развитіе общности. Мы сознаемъ прежде всего, какъ основной законъ нашего нравственнаго міра, круговую поруку, связывающую насъ со всѣмъ міромъ. Сознвая всеединство бытія, укорененнаго въ Богѣ, мы ясно видимъ свою отвѣтственность за зло, царящее въ немъ, и также ясно понимаемъ невозможность нашего спасенія внѣ общаго спасенія. Какъ отдѣльный листъ на деревѣ не можетъ зеленѣть, когда засыхаетъ и гніетъ все дерево, ибо все дерево въ цѣломъ связано общностью жизни, такъ и въ общечеловѣческой жизни господствуетъ внутренняя солидарность, которая не можетъ быть безнаказанно нарушена. Отсюда вытекаетъ основное внутреннее правило любви къ людямъ и солидарности съ ними, во имя нашего собственнаго спасенія.

Но мы знаемъ также, въ чемъ именно заключается истинное благо человѣческой жизни, и поэтому отнынѣ насъ не соблазнятъ ни какія либо утопіи соціальнаго рая, равенства распредѣленія и всеобщей матерьяльной сытости, ни внутренне родственныя имъ, хотя обратныя по содержанию мечты о бездушномъ могуществѣ государственной власти, о земномъ величіи и военной славѣ. Мы знаемъ истинныя, духовныя основы и цѣли жизни, и хорошо понимаемъ какъ вытекающую изъ нихъ неизбежную іерархичность человѣческой жизни, необходимость подчиненія худшихъ — лучшимъ, и всѣхъ — общему закону жизни, такъ и необходимость уваженія ко всякой человѣческой личности и братскаго къ ней отношенія.

Новый инстинктъ духовнаго здоровья и самосохраненія — который болѣе свѣдущими можетъ быть раскрытъ и осмысленъ въ цѣлую систему гигиены духовнаго бытія — руководитъ отнынѣ всей нашей жизнью — и нашими личными отношеніями къ людямъ, и нашимъ отношеніямъ къ вопросамъ общественной жизни.

Когда, руководясь этимъ непосредственнымъ чутьемъ живой, подлинной правды, мы озираемъ нынѣшнюю общественную жизнь и дѣйствующія въ ней идейныя силы, мы чувствуемъ, что не можемъ отождествиться ни съ однимъ изъ господствующихъ въ ней направленій. Мы, конечно, съ отвращеніемъ отталкиваемся отъ цинизма, наглости и безпринципности невѣрія, которое въ нынѣ властвующихъ на Руси силахъ попираетъ правду и глумится надъ ней; и мы ни въ малѣйшей мѣрѣ также не можемъ дѣлать ему духовныхъ уступокъ, становиться на духовно-половинчатую, компромиссную позицію, вытекающую изъ желанія одновременно и отгородиться отъ чистаго зла, и не отстать отъ «духа времени», въ которомъ это зло и безуміе и есть господствующая сила. Съ другой стороны, мы не можемъ сочувствовать и всѣмъ тѣмъ, кто по искреннему ли побужденію, или изъ фарисейской гордыни блюдутъ свою чистоту, окружая себя стѣнной ненависти ко всему существующему и съ болѣзненной экзальтаціей предаваясь фанатическому культу общественно-политическихъ идоловъ, давно уже поверженныхъ, — кто по прежнему, хотя и съ обратнымъ содержаніемъ, смѣшиваетъ религіозную вѣру съ отвлеченной моралью, а мораль — съ политическими «принципами». Духовная вселенная для насъ по существу не вмѣщается въ линейное измѣреніе справа на лѣво, и культъ «праваго» есть для насъ такое же идолопоклонство, какъ и культъ «лѣваго». Среди захватившаго насъ водоворота, когда рушатся

старыя, привычныя формы жизни и назрѣваютъ невѣдомыя новыя, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ испытывается крѣпость человѣческаго духа, мы сознаемъ необходимость строгаго различенія вѣчнаго отъ временнаго, абсолютнаго отъ относительнаго. Необычность жизни, ея расшатанность и зыбкость, новизна жизненныхъ условій требуютъ отъ насъ сочетанія величайшей, непоколебимо-стойкой преданности вѣчнымъ началамъ, подвергаемымъ поруганію и сомнѣнію, съ духовной широтой и свободой, съ чуткимъ, непредвзятымъ отношеніемъ къ реальному складу жизни и ея нуждамъ. Это сочетаніе твердой вѣрности правдѣ съ полной духовной свободой, готовности мученичества во имя правды — съ терпимостью къ людямъ, съ склонностью, не боясь загрязниться, вступать съ ними въ живое общеніе среди всего царящаго зла — это сочетаніе и дается лишь религіозному духу, постигшему живую вѣчную правду и осѣненному ея благодатнымъ духомъ. Съ одинаковымъ отрицаніемъ, но и съ одинаковой терпимой любовью къ заблуждающейся человѣческой душѣ относимся мы и къ невѣрующимъ, и къ идолопоклонникамъ, и идемъ своимъ собственнымъ путемъ.

И — чтобы покончить здѣсь съ этимъ перечнемъ, въ концѣ концовъ, неисчислимаго духовнаго богатства, обрѣтеннаго нами — мы находимъ теперь правильное отношеніе не только къ отдѣльнымъ людямъ и общественнымъ порядкамъ и теченіямъ, но и къ коллективнымъ, сверхъиндивидуальнымъ живымъ организмамъ. То, что раньше мы въ лучшемъ случаѣ лишь смутно ощущали, мы теперь понимаемъ и видимъ: именно, что эти сверхъиндивидуальныя цѣлыя суть живыя духовныя существа, которыя имѣютъ свою собственную цѣнность и судьба которыхъ опредѣляетъ и нашу личную судьбу. Черезъ происшедшее пре-

одолѣніе внутренней замкнутости нашей души, черезъ ея раскрытіе и приобщеніе къ всеединой живой основѣ бытія мы сразу же внутренне приобщаемся и къ сверхвременному всеединству людей, живущихъ, какъ и мы, въ Богѣ и съ Богомъ — къ сверхъиндивидуальной душѣ церкви, какъ единству святости и религиозной жизни, какъ вѣчной хранительницѣ священныхъ истинъ и преданій. Изъ самого воспріятія вѣчнаго бытія и живой близости Божеству непосредственно вытекаетъ и воспріятіе церкви, какъ живой вселенской души человечества, какъ соборной личности, черезъ связь съ которой мы соучаствуемъ въ вселенскомъ, космическомъ таинствѣ Богообщенія. Въ ней мы имѣемъ истинное материнское лоно всей нашей духовной жизни. А въ полнотѣ нашей конкретной земной жизни мы приобщаемся къ сверхъиндивидуальной душѣ родины, не только ощущаемъ, но и осмысленно понимаемъ ее, какъ живое существо, какъ родную мать, и знаемъ связь нашей жизни съ ея жизнью, взаимозависимость нашего и ея спасенія. Мы понимаемъ, что она, какъ и весь міръ, какъ и мы сами, погибаетъ отъ слѣпоты, отъ вихрей злобы и ненависти, закрутившихся въ міръ, что отъ этой гибели нѣтъ исхода ни въ какомъ политическомъ фанатизмѣ, а есть исходъ лишь въ духовномъ возрожденіи, въ нарастаніи внутренне осмысленнаго, проникнутаго любовью, отношенія къ жизни. Мы не взваливаемъ болѣе ответственности на однихъ — на тѣхъ, кого мы считаемъ нашими политическими врагами, и не кичимся болѣе нашей собственной гражданской добродѣтельностью. Мы понимаемъ нашу общую грѣховность передъ родиной, нашу вину въ ея гибели, въ нарожденіи слѣпоты и сатанинской злобы, мы полны любви и жалости къ конкретной, живой душѣ народа, падшей нынѣ, какъ и мы сами, и сознаемъ, какъ трудно ей —

и намъ вмѣстѣ съ ней — духовно подняться послѣ этого паденія. Но вмѣстѣ съ вѣрой въ живого Бога, которая даетъ намъ вѣру въ себя самихъ и въ людей, мы обрѣтаемъ также прочную вѣру въ родину.

Теперь мы благодарны Богу за весь пройденный нами путь, какъ бы тяжекъ онъ ни былъ. Міръ, и наша душа, должны были пройти и черезъ поклоненіе кумирамъ, и черезъ горечь постепеннаго разочарованія въ нихъ, чтобы очиститься, освободиться и обрѣсти подлинную полноту и духовную ясность. Великая міровая смута нашего времени совершается все же не даромъ, есть не мучительное топтаніе чело-вѣчества на одномъ мѣстѣ, не бессмысленное нагроможденіе безцѣльныхъ звѣрствъ, мерзостей и страданій. Это есть тяжкій путь чистилища, проходимый современнымъ чело-вѣчествомъ; и можетъ быть, не будетъ самооптѣніемъ вѣра, что мы, русскіе, побывавшіе уже въ послѣднихъ глубинахъ ада, вкусившіе, какъ никто, всѣ горькіе плоды поклоненія мерзости Вавилонской, первыми пройдемъ черезъ это чистилище и поможемъ и другимъ найти путь къ духовному воскресенью.
